

Пиня Копман

*Байки
негевского бабайки
Том 3
Проза*

16+

Пиня Копман
Байки негевского
бабайки. Том 3. Проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68070949

SelfPub; 2022

Аннотация

Эта книга – третий том сборника текстов, написанных автором за 50 лет. В нем исключительно проза: рассказы, рассказыки и одна пьеска. Рассказы как шуточные, так и серьёзные. Я старался отобрать лишь не слишком скучные. Есть даже два исторических исследования, которые, впрочем, стоит оценивать как пародийные. Всего 15 текстов. Автор надеется, что скуки у читателя ни один из текстов не вызовет.

Пиня Копман

Байки негевского бабайки. Том 3. Проза

1 Инвалид (Хроники 90-х)

В 16 лет нужно играть в футбол и баскетбол, плавать и нырять, влюбляться и ухаживать за девочками.

А я ничего этого не могу. Я инвалид. Детский церебральный паралич. Я уже привык говорить об этом без горечи. Привык к своей коляске, к тому, что для большинства людей я не человек, а так, предмет жалости.

Доктор Вера, спортивный врач, с которой я занимаюсь, говорит, что я как раз вступаю в критический возраст, когда происходит переоценка ценностей и становление мировоззрения. Наверно она слишком много теории читала. Мне, кажется, переоценивать нечего. Я живу с теткой в теплой двухкомнатной квартире на первом этаже пятиэтажного дома. У меня есть несколько хороших товарищей, и тетя Мира, которая заменила родителей. Родители у меня погибли, когда мне еще трех лет не было. Нет друзей и нет врагов. Ну, друзей нет потому, что дружить только с равным можно. А меня равным никто не считает. А враги... Кто всерьез будет враждовать с калекой?

Был у меня случай, еще в пятом классе. Какой-то амери-

канский фонд как раз подарил мне коляску с электроприводом. Это когда я выиграл приз на республиканской компьютерной олимпиаде. Ну, я ехал по двору, а Вовка из соседней школы, он года на два старше меня, неожиданно выскочил из арки. Я уже давно тогда научился подобных типов избегать. Просто, когда они появляются, я держусь поближе ко взрослым, и они меня не трогают. А тут ни одного взрослого, и я прямо перед ним, этим Вовкой. Вредный тип. Он всегда маленьких и слабых обижал. И никто ему ничего не делал. Дядя у него местный бандитский авторитет. Ну, он меня увидел, на коляске, и что во дворе никого нет, и прямо ко мне. Улыбка на лице: сразу ему два удовольствия: и слабого обидеть, и механизм поломать. Если б он меня за руку, или за одежду схватил, в секунду из коляски бы выкинул. А я без нее что же? Ноль без палочки! Вытащил я из кармана шариковую ручку, и вогнал ему прямо в протянутую руку. Это я ниже пояса паралитик. А в руках сила есть. У меня до электрической была коляска с ручным приводом. А на занятия я езжу почти за 10 километров. Вовка этот завизжал, как поросенок из мультика, и убежал. Я-то, понятно, об этом случае промолчал. Но в городе все про него узнали. Город у нас не слишком большой, так что слух быстро разошелся. Может, сам Вовка растрепал, а может, бабки в окно подсмотрели. Мне потом рассказали, что он к дяде ходил, просил, чтоб мне бандиты шею скрутили. Но дядя ему сам надавал, чтоб не лез к инвалиду. Это был единственный в жизни раз,

когда я не жалел, что инвалид. Ведь в наше время так просто бандюги угробить могут. Милиционера нашего участкового, мы его «Дядя Степа» звали, так его за то, что за порядком следил, а может просто так, для острастки, металлическими штырями к стене Дворца культуры прибили. То, что это банда Вовкиного дяди, у него еще кличка «Змей Горыныч», сделала, так тоже весь город знал. И начальник нашей Днепровской милиции заявил на похоронах, что рассчитается с убийцами. Только его и самого убили. В машине взорвали. А потом статья была, что он сам связан был с уголовными элементами. Но я о другом. Я еще тогда подумал, что вот и у меня будет теперь враг.

Ну, а через месяц я познакомился с Мишей.

Вечером я подъезжал к дому, когда почувствовал неладное. И опять, как назло, близко никаких взрослых. Потом смотрю – стоит парень с метлой. Я его и раньше видел, когда он соседнюю улицу мел. Я знал, что он даун. То есть, болен болезнью Дауна. Из-за этого он в развитии остановился, и по интеллекту сейчас как пяти-шестилетний ребенок.

Мама у него уборщицей работала, а он ей помогал. Зовут его Мишей. Мальчишки его все время дразнили «Мишка, мишка, где твоя сберкнижка!», и камни кидали. А когда он бросался на них, разбегались. Но тогда я об этом не думал, просто не хотел дальше один ехать. Я подкатил к Мише и сказал: «Давай вместе пойдем, я боюсь». Он стал повторять: «Вместе, боюсь». Речь у него... та еще! Но пошел рядом. За-

ходим через арку во двор – ну точно, Вовка, и с ним еще какой-то парень, сразу видно – из блатных.

Вовка, как меня увидел, в улыбке расплылся, будто ему мороженое бесплатно дали. А Миша все повторял: «Вместе, боюсь», – и сзади моей коляски стал. Тоже испугался.

Вовка близко подходить не стал, видно хорошо мою ручку запомнил.

Он наклонился, поднял с дорожки кусок кирпича, и кинул в меня. Я даже почти почувствовал, как камень в меня врезается. Я крикнул: «Лови!»

Кому я кричал, и почему, не соображал. Сам я даже руки не поднял, чтобы прикрыться. Но Миша протянул свою руку сзади, и поймал кирпич. Это так было похоже на фокус, что все растерялись: и я, и Вовка, и парень, который с ним был, и сам Миша, кажется, тоже. Только вместо: «Вместе, боюсь», он стал повторять: «Лови, лови, лови».

Тут во двор заехала машина, парень, который с Вовкой был, крикнул: «Атас!», и они убежали.

С того дня я подружился с Мишей. Лет ему больше двадцати. Он, когда не волнуется, почти все понимает, особенно если не спешить и не говорить сложных слов. Он живет с мамой на соседней улице, и мы стали часто вместе ходить. Отец у него алкоголик, с ними не живет, а только изредка приходит. И Миша его боится. Миша вообще часто боится. Как многие дауны, он боится, чего не понимает, а не понимает он многого. Миша очень сильный. Руки у него сильнее

моих, а ведь я на спор гнул настоящие подковы.

Миша уже какое-то вместе лечится у физиотерапевта доктора Веры, как и я. Он хотя сильный, но руки и ноги у него короткие и больные, и их нужно разминать все время, а то по ним кровь течь не будет. Это у него какая-то аномалия, что он сильный. Дауны такими не бывают.

Главная достопримечательность в нашем городе, это Дворец творческой молодежи.

Раньше он назывался Дворец пионеров имен Ульянова. А еще раньше, до революции, это была усадьба настоящего немецкого барона Альбрехта-Фридриха Коппенгефера, который состоял в каком-то родстве с Императрицей Александрой. В ее честь главное здание усадьбы в 1900 году было названо Александровским дворцом. Построили этот дворец в 1895 году. Я все так подробно знаю, потому что к 100-летию нашего дворца готовил специальный стенд. Во дворце я занимаюсь в компьютерном классе. Барон Альбрехт-Фридрих был тяжело ранен на какой-то войне, и сделал во дворце целую систему лифтов. Так уж совпало, что более тридцати лет директором дворца был герой гражданской войны Сергей Бородин, инвалид без обеих ног. Так что он лифты поддерживал в хорошем состоянии, и многие инвалиды, как я, ему за это благодарны. Теперь на третьем этаже нашего дворца компьютерный класс, в котором я занимаюсь, а во дворе – спорткомплекс с бассейном для инвалидов. Называется «Спортивно-оздоровительный комплекс для лечения

и профилактики больных с поражениями опорно-двигательного аппарата». Без тренировки такое не выговорить. Поэтому зовут его просто: «Бассейн инвалидов», или «Бассейн ДТМ» ДТМ – это сокращение от Дворец творческой молодежи.

Здесь, во дворце, я провожу большую часть жизни. С третьего по седьмой классы я учился в обычной школе. Это было тяжело. Меня ребята на руках по этажам таскали из класса в класс. И коляску два раза крали. А потом я еще в бассейн ДТМ катил. Теперь учусь здесь, за компьютером. Экзамены за восьмой класс сдавал «экстерном». Так намного легче. Пять лет назад, когда я впервые сюда пришел, в классе стояли только два жутких разбитых компьютера, времен Советского Союза. Но потом мы с ребятами на этих гробах сработали для главного городского предприятия, Завода тракторных двигателей, финансовое обоснование для много миллиардного кредита.

И вот результат – десять новеньких машин, постоянный Интернет, и, главное, постоянная возможность немного заработать. В Интернете всегда есть работа для тех, кто сообщает: то сайт кому-нибудь построить, то программу приспособить. И почти всегда платят. Потому, что тем, кто не платит, подпускают троянских вирусов. И это им дороже обходится. Теперь обновляем мы оборудование за свой счет. Миша тоже любит здесь сидеть. Для него стоит в углу старый не апгрейдерированный компьютер, для которого я напи-

сал специальную игровую программу. И Миша на нем играет. То есть иногда рисует, иногда строит дом из деталей или целый город. Что-то вроде стратегий типа Сим-сити и Тайкон, только попроще.

Познакомились мы с Мишей в октябре. Программу я эту написал в январе, а в марте начались эти странности.

Как-то после занятий в спорткомплексе поднимаюсь я на лифте на наш третий этаж, заезжаю в класс – Миша сидит перед экраном весь красный, напуганный, и громко повторяет: «Голе, голе!» Я не всегда его понимаю, особенно если он волнуется. Но то, что он повторял, было похоже на «горе». Гляжу – на экране монитора катер идет через реку, а потом исчезает. Та программа, что я писал, все это предусматривала, только нужно при этом курсором на кнопки в окошке нажат. А у Миши это само происходило, как в мультике. Ну, я подивился – Миша, конечно, сам усовершенствовать программу не мог. Выходит, кто-то из наших расстарался. Хотя мы договаривались: Мишу не обижать и над ним не прикалываться. Доктор Вера говорила мне, что дауны эти приколы ощущают как обиду, только не могут понять, за что их обижают.

Ну, я у наших спросил, и никто не признался. Потом я сам попытался разобраться.

Оказывается, там программа была дописана, причем очень интересно. Я ее на Турбо Паскале писал, и те строчки, которые добавились, сам ни за что бы не вставил. Они про-

тиворечили основной программе. Случай забавный и непонятный. А через месяц, в апреле, Вовка вместе с дядей поехали на рыбалку, и не вернулись. В городе разное говорили. И что они на mine времен войны подорвались, и что это другой бандит, Гвоздь, их утопил. Но ни лодки, ни тел не нашли. Был еще слух, что Горыныча с племянником видели где-то не то в Японии, не то в Австралии. Что это он воровской общак (вроде кассы взаимопомощи у бандитов) забрал и сбежал. Не знаю. Бандитов в городе меньше не стало. Только Гвоздь, который после Горыныча всеми командует, не такой беспредельщик: ни живыми людей не закапывал, ни животы не вспарывал, ни к стенке не прибивал.

Но я опять не о том. Я, когда про Вовку узнал, сперва просто обрадовался, что меньше проблем будет. А потом вспомнил эту загадку с Мишиной игрой, и призадумался. Стал про всякие парапсихологические вещи читать. Но это не помогло. Предвиденье у меня и самого есть. Правда, совсем чуть-чуть: когда грозят неприятности, я как бы заранее знаю. Мне плохо, и тошнит, хочется спрятаться куда-то.

А что тогда с Мишиной игрой произошло – непонятно. А пока я раздумывал, да прикидывал – Миша новое предсказание выдал. Это уже в августе 99 года. Я был на связи с парнем из Лос-Анджелеса, по Аське с ним разговаривал (Это так программа связи ICQ называется), обернулся – Миша покраснел, руками машет и твердит, как раньше: «Голе»

На экране город, и потом все дома рушатся. Опять повто-

ряющийся мультик. Мы с Мишей в классе одни уже часа четыре сидели. Были с утра другие ребята, но они—то ничего не делали. То, что никто к Мишиной железяке (так старые компьютеры называют) не подходил с утра, – факт. В программе такие же нелогичные, но действенные изменения. Ну, я изменения все стер, и стал ждать, что же случиться. Через неделю, вечером я прочитал в Интернете о землетрясении в Турции. Жуткое землетрясение, город сметен с лица земли, десятки тысяч людей погибли и ранены. Один случай – это случайность, два – совпадение. Чтобы появилась закономерность – нужен был третий случай. Я забросил учебу. Договорился с директором ДТМ, Семеном Семеновичем, чтобы Мишу приняли уборщиком на полставки, это чтобы его мама не заставляла улицу мести. Приходил с утра вместе с Мишей в компьютерный класс, и наблюдал за ним весь день. И дождался.

В понедельник, почти с самого утра, стал Миша краснеть. Потом он пробежал пальцами по клавиатуре своего компьютера. А ведь раньше клавиатурой он не пользовался никогда! Я все видел: Миша вошел в программные файлы, и стал их править. При этом он даже не смотрел на клавиатуру. Печатал вслепую. И все больше пугался. А потом вошел в игру. И я увидел, как грузовик подъезжает к большому дому, и взрывается, а дом рушится. Прошло две недели. Мы узнали о взрыве в Волгодонске. Я сделал два дела: посадил Мишу за современный компьютер (пришлось даже поругаться

с заведующим компьютерной секцией, но я его убедил), и долго рассказывал и показывал ему все возможности Интернета. Внешне Миша никак не реагировал. Из всех игр он по-прежнему предпочитал свою. Ту, что я для него написал. Но он почти каждый день стал вносить в эту игру свои усовершенствования. Делал он это совершенно несознательно. Но теперь в его игре появились гуляющие и работающие люди, стало много видов транспорта, много новых строений, и, главное, он как бы начал делать, строить карту всего мира. Через неделю ресурсы его компьютера исчерпались. Он забил информацией (географией, картографией, играми, картинками и видами техники) все 10 гигабайт! Я поставил на компьютер второй жесткий диск, на 20 гигабайт, потом третий. Пришлось покупать новый модем, совершенствовать процессор, оперативную память, системную плату. А Миша все работал. Теперь он пребывал в испуганном состоянии по полдня, и почти каждую неделю выдавал новые предсказания. Я уже мог точно расшифровать, что значили его мультики. Чем ближе было от нас место события, тем за больший срок Миша мог его предсказать. Циклон и наводнение в Перу Миша предсказал за два дня. Взрыв баллона с газом в нашей котельной – почти за два месяца. Что делать со свалившимся на меня открытием, я не знал. О взрыве в нашей котельной я говорил с директором дворца, с кочегаром. Но директор слег в больницу с инфарктом, а кочегар был вечно пьян. Так я ничего не добился, и попытался связаться с Укра-

инской Академией наук. На мои обращения отвечали секретарши, какие-то аспиранты. Мои объяснения о возможности предсказания катастроф и несчастных случаев осмеивали. И мне надоело. Что пользы знать о том, что в Индии сойдет с рельс поезд, или на шахте Комсомольской оборвется лифт. Предсказанные события все равно произойдут. Уж так этот мир устроен.

А потом я убедился, что мои попытки хоть кому-то помочь, не бесполезны, а опасны.

Когда Миша предсказал катастрофу самолета Як 40Д, я уже почти не надеялся из чиновников кого-то убедить. Я вошел в компьютерную сеть аэропорта, и задал программу световому табло, чтобы каждые пять минут высвечивало предупреждение: «Самолет RA-88170 ожидает крушение, отмените рейс. Пассажиры, откажитесь от билетов». Так что вы думаете? Они даже просто самолет не проверили перед вылетом! А билеты никто не сдал, потому что это был спец рейс и спец пассажиры. И они, конечно, прошли через спец коридор и то табло не видели, а им никто ничего не сказал. Но диспетчеры почти сразу отключили главный компьютер, и, кроме Яка, еще два больших пассажирских лайнера едва не разбились! Зато на меня устроили охоту! ФСБ России гребло всех хакеров частой гребенкой, считая, что это я виноват в катастрофе!

Слава Богу, комиссия быстро установила, что самолет погиб из-за обледенения и ошибок пилота. Охоту прекратили,

но выводов никто не сделал. Уже через два месяца все повторилось с военным вертолетом под Грозным. ФСБ искало хакера, который высветил сообщение о гибели вертолета на мониторе начальника штаба группировки войск. Но полет никто не отменил. Идиоты! То же самое произошло с подводной лодкой «Курск». Я знал о ее гибели за неделю. Я послал сообщения Командующему Северным флотом, и командиру подводной лодки. И кто, по-вашему, отреагировал? Командир подчинился приказу, он не мог не выйти на учения, а вот что должен был потом чувствовать Командующий флотом? Хотя, еще вопрос, дошло ли сообщение до него?

Разгадать феномен Мишиных предсказаний я не смог. Помочь людям не смог. Если бы Миша хоть предсказывал по какой-то системе, я бы открыл фирму по предсказаниям. Или в газетах гороскопы бы печатал, вроде Глобы. А без системы такие предсказания никому оказались не нужны.

Я опять посадил Мишу в угол, к его старой железяке, чему он был, кажется очень рад. Предсказания почти прекратились, зато Миша стал намного спокойней. Да и предсказывал он все какие-то разбитые машины. А я погрузился с головой в занятия. Я ведь с этими предсказаниями почти год потерял. Но за полгода все наверстал, и подготовился к экзаменам за девятый класс.

Но вот месяц назад, поднимаюсь я на лифте на наш третий этаж, вхожу в класс, и вижу – Миша покраснел, тычет пальцем в экран – а на нем два высотных дома, и они взрываются.

Я, еще когда Мишу отсаживал от его суперкомпьютера, хотел все его накопления стереть. Да все руки не доходили. Потом одна туристическая фирма договорилась своих туристов на этом компьютере инструктировать по тем городам, куда путевки оформлялись.

Это оказалось очень выгодно. На добытых Мишей картах и гостиницы и музеи были, и магазины.

Туристы были очень довольны, и нашему классу кое-что перепало.

Так что программа была, Миша все равно был испуган, и пересадил я его за тот усовершенствованный компьютер. Просто из любопытства. Через минуту вижу мультик: самолет врывается в один из Близнецов в Нью-Йорке, а потом второй самолет врывается во второе из зданий, а потом третий самолет – в здание Пентагона. Я отсадил Мишу обратно, отключил компьютер, и стал думать: До тех событий, что я увидел на мониторе (а что они произойдут, – я не сомневался, у Миши осечек не бывало) – чуть меньше полутора суток.

Предотвратить я ничего не могу. Это уже тоже проверено. Причины тоже понятны.

Террористы. Какие-нибудь Красные бригады или наоборот, фашисты.

Но мне, мне-то что делать? Предупреждать? Бесплезно. Можно хоть денег заработать. Я недавно на одном сайте прочел про биржевую игру.

Оказалось очень интересно. Можно играть практически

без денег. Любой человек или фирма вступает в отношения с брокерской конторой, и если знать будущие события, то можно сыграть на повышение или на понижение за счет «ночных кредитов». То есть деньги занимают на одну ночь в Японском банке, а игра ведется на Лондонской бирже в течение рабочего дня. Если ты выиграл – весь доход твой. Сложность только, что заем (этот самый ночной кредит) дают либо банкам, либо таким фирмам, которые представляют гарантии.

Но для меня это уже давно не проблема. Мне ведь компьютер больше чем пол жизни заменил. Я в интернете живу. И то, что ребята чуть не подвигом считают, всякие хакерские штучки, для меня – как для вас – ходить. Я даже не особо напрягался.

Через Украинскую Торговую Палату нашел подходящую украинско-немецкую фирму-посредника. И якобы заключил с ней договоры от имени полусотни фиктивных фирм. Это наш старый прикол. Мы давно стали создавать такие фирмы, которые вроде как зарегистрированы в госреестрах, но от фирмы есть только номер и данные, чтобы официально связываться. И вот через все эти фирмы передал гарантийные письма, как залог по кредитам. От имени реальной фирмы-посредника оформил поручения на сделки с одним брокером из Нью-Йорка на операции на бирже Форекс. Брокер этот был из списка неблагонадежных, но и принимал под операции всякие гарантии, не только те, что положено. Зато

и свой процент брал завышенный вдвое. И он всю ночь играл по моим указаниям с валютой. И когда доллар стал падать, операции шли уже на сотни тысяч долларов. В 10 закрылась Нью-йоркская валютная биржа. Я расплатился с брокером за счет полученной маржи и к 6 вечера по Киеву перевел результат операций – 150 миллионов долларов, по одному миллиону в 150 разных банков на территориях Швейцарии, России, Украины и Белоруссии. Все вклады, кроме швейцарских, на подставные фирмы. А швейцарские на предъявителя специального пароля. Есть у них такая услуга. Конечно, все эти операции потом когда-то ревизоры вскроют, как мошеннические. Но реально я получил только маржу со спекуляции нереальными активами, и никто как бы не пострадал. Доллар ведь и так падал.

Следующие сутки я спал. О том, что во взрывах виноват Бин Ладен, я узнал только через день, из теленовостей. Я пытался понять, что я чувствую, став мультимиллионером.

Я не чувствовал ничего. У меня было много денег, и я мог их потратить. Мог, например, отправиться в путешествие. И я представил себе, как я, на коляске... Нет, уж лучше в родном Днепровске. Да, я мог купить самый современный компьютер домой. Но я ведь так привык к ДТМ, и там были ребята. А на апгрейд, на совершенствование «железа» и на любые программы мы всегда могли заработать.

Когда пришла с работы Мира, я спросил ее: «Мира, я тут подхалтурил, деньги появились. Может, купим новую боль-

шую квартиру?»

Она крикнула «Нет!» с таким испугом, будто я предложил ей человека зарезать. Потом добавила: «Если есть лишние деньги, отложи мне на похороны. Я ведь уже немолодая. А похороны сейчас дорогие».

Вот и вся история. Почти каждую ночь я вижу сон: из развалин Торгового центра в Нью-Йорке встают мертвецы, машут обломками рук и ног и молчат, но я слышу голоса: «На наших костях ты заработал сто пятьдесят миллионов!» А я кричу в ответ: «Я ни в чем не виноват! Я не сделал ничего плохого!» И мне очень страшно.

Хотя днем я понимаю, что и вправду ни в чем не виноват. Я ведь только заработал деньги. Я думал, что они мне нужны. Оказалось – я ошибался.

Потом стал деньги переводить на счета детских домов, всяких больниц. Или покупал продукты и подарки. И сразу посыпались сообщения в интернете, как эти деньги и продукты разворовывают. Оказалось, что все нужно делать не так. Что чуть не за каждой копейкой нужно следить, чтобы она пошла на пользу. Ну я посоветовался с ребятами в интернете, с юристами и даже с одним депутатом, который все воров разоблачал. И через общественные организации стал создавать всякие комитеты контроля, нанимал ревизоров от их имени. Так активистов обвиняли во всех грехах и даже уголовные дела на них заводили. Получалось, что эти деньги как проклятые, только вред приносят. А потратить с толком

я не смог и четверти. Я тысячу раз себя проклинал за то, что полез в эти биржевые спекуляции.

Вот я, такой богатенький и умненький буратина, могу наделать много зла, могу украсть или наспекулировать много денег. Но даже сам себе новых ног купить не могу. И Мише думалку улучшить не могу. И вдруг понял, что по уму я – как Миша. Я уже много лет прожил, 17 лет. Сдал экзамены за 10 й класс. И учил я, выходит, что-то не то.

И еще: каждый из нас как инвалид. Я вижу, как вокруг ходят люди. Но я не понимаю, как это – ходить. Миша не понимает, как это думать, решать задачи. Те, которые обворовывали детей и больных не понимают, каково это быть больным или ребенком без мамы и папы. И еще тысячи и тысячи людей живут своей жизнью и не понимают жизнь других людей.

Но я зато знаю теперь, что нужно делать. Я буду учиться, и все сделаю для того, чтобы научить других людей хоть немного понимать друг друга.

Потому что это плохо – быть инвалидом.

2 День смерти-день рождения (Инвалид 5)

2020 г

Солнце как нашкодивший мальчишка спряталось за зубцами крепостной стены, и вишневые сумерки опустились на Город старых башен.

Я выполз из-за прилавка, взгромоздился в свою инвалидную коляску, и подкатил к окну. На улице уже никого не бы-

ло, и только отблески фонарей Веселого квартала играли на брусчатке мостовой.

Финита! Еще один день сыгран. Я закрыл железные ставни, сложил непроданные остатки хлеба и булочек в короб возле порога (утром, еще до света, за ними придут нищие из-под моста), и выкатился из булочной. Лампа под вывеской, конечно, не горела, но вывеска лаково отсвечивала в цветных лучах. В Веселом квартале свет горит всю ночь.

Вывеска-то убогая такая. Традиционный крендель и надпись «Сдоба Иоанна». Бррр... Поменять бы ее, но тогда нарушатся правила игры. А может быть, когда-нибудь я ее поменяю.

Я запер дверь, и хотел уж было оттолкнуться, чтоб докатиться под уклон до самого дома. И тут я увидел ее. То есть тогда я увидел худого парнишку с книжкой, присевшего на камень под окном булочной.

Я злой и старый инвалид, мне неведома жалость. Но парнишка тот выглядел потерявшимся котенком из богатого дома. Было что-то в его позе. Эдакое отчаяние от потери всего хорошего. Я все думал, кого сыграть: Скруджа или Деда Мороза?

Подкатил поближе и сказал: «Если ты голоден, я могу дать тебе хлеба»

Было достаточно темно, и мою ошибку можно простить. То, что это девушка я понял, когда она ответила: «Нет, я не голодна, только очень устала. И мне негде ночевать. Меня

зовут Анна». Я хотел было традиционно буркнуть: «Под мостом для всех есть место», но что-то сломало игру. Может быть голос. Голос был красивым и глубоким. Я когда-то, в молодости, слышал такой в опере – Кармен – не Кармен, но про цыган. В общем, я отступил от всех своих правил, забыл о всех разумных предосторожностях, проворчал: «Пойдем, придумаем что-нибудь». И оттолкнувшись, покатил под гору.

В Город старых башен я попал лет шесть назад. Тогда я искал место, где смогу умереть красиво. Только одна фраза звучала в моей голове: «Он умер в кругу близких, оплаканный всеми, знавшими его, и тысячи опечаленных сограждан сопровождали его гроб до могилы»

Я потерял сразу двух близких людей, и жить в родном городе больше не мог. Один знакомый моряк рассказал об этом странном городе. Город у моря, где пахнет морской пеной и свежей рыбой. Город, в котором нет машин и мобильных телефонов, где время остановило бег. Как раз для меня. Он помог мне сюда добраться. Я купил крошечный домик: одна комната, коридор, кухонька и ванная, и садик с тремя чахлыми вишнями. Но из окна комнаты видно море, и в ней есть настоящий камин. Вокруг живут, в основном, рыбаки. Еще я купил булочную. По имени ее бывшего хозяина, которому перерезали горло, меня тоже стали звать Иоанном. Город старых башен – бывшая генуэзская крепость. В нем правят три власти: мэр и две компании – морская и сухопут-

ная. Чтобы было ясно, что это за компании, я их называю бандами. Булочная как раз посредине владений двух банд. Но меня не трогают. Кому нужен несчастный инвалид? Кроме того, это единственное место в городе, где могут встретиться главари. Как бы нейтральная территория. Оба главаря (уважаемые бизнесмены, все зовут их по имени-отчеству), поклялись размазать по брусчатке того, кто на меня и мою булочную посягнет. Все равно приходится держать пистолет под прилавком. Однажды молодой мясник, обкурившись гашиша, бросился на меня с ножом. Пришлось прострелить ему ногу. Стрелять-то я учился... Давно это было. А мясник потом умолял меня не проболтаться, чтоб бандиты не узнали. Он до сих пор на каждый праздник мне приносит здоровенный окорок.

В свой домик я и повел нежданную гостью. Когда мы зашли (то есть она-то зашла, а я закатился), я зажег свет, и увидел, что девчонка грязна и действительно очень утомлена. На ней были потертые и замызганные джинсы и старый, линялый свитер. Недлинные волосы свалились, под глазами синие круги. Самое место под мостом. Но кто сказал «А» ...

– Иди в ванную. На полке чистое полотенце и пижама. А вещи свои сбрось в углу, им на свалке место. Завтра я найду тебе что-нибудь. Да, если у тебя вши, то гребешок и мазь от вшей в синей коробке возле зеркала.

Не уверен, что так сказал бы Дед Мороз, но мне нравится. Я строгий и ворчливый, но где-то очень глубоко в душе –

добрый.

У меня только одна кровать. Да в этой комнатке и не поместилось бы больше. Но у камина стоит большое мягкое кресло с особо выгнутой спинкой. Я его специально заказал. Вечерами я часто зажигаю камин и читаю или пишу, полусядя в этом кресле.

Пока Анна мылась, я перебрался в кресло, и взял в руки «Историю Рима» Моммзена. Сквозь шум воды слышался ее голос. Она что-то напевала. Книга стала очень тяжелой. Я вспомнил то, чего вспоминать не хотел...

ДЦП- это детский церебральный паралич. Чаще всего он случается из-за инфекций или отравлений в период беременности матери. Моя мать работала на химическом комбинате. Позже они с отцом там и погибли. Ну а я получил ДЦП.

То, что ниже пояса, бездействовало. А потом, в 20 лет, кто-то в небесах что-то перепутал. Случилось чудо. Я получил любовь и здоровье в одной упаковке. Стал нормальным человеком. Пять лет десять месяцев и шесть дней счастья, которому, наверно, позавидовали бы боги. Потом та жуткая катастрофа на круизном лайнере. Погибло больше тысячи человек, и моя любимая. Меня вытащили из воды – полусумасшедшего и вновь полупарализованного. Я боялся воды, даже когда она была в стакане. Моя тетка и друг выходили меня, вернули к жизни. Ко мне вернулось то, что совсем не было нужно – разум. Хотя и не совсем. А потом, после их смерти, я добрался сюда, в город без времени, чтобы каж-

дый день видеть море – могилу моей любимой. И играю сам для себя маленькие одноактные пьески под общим названием «Жизнь – это период подготовки к смерти»».

Я надеюсь, что до могилы меня будут сопровождать по крайней мере несколько действительно опечаленных человек. Об этом я думаю каждый день.

Я знал, что мне немного осталось. С ДЦП долго не живут. Просто я пришел в этот театр, чтобы доиграть. Сам себе режиссер, актер и публика. И даже немножко бог. Женский голос из ванной заставил Бога вспомнить, что не все спектакли удаются...

Наконец я сосредоточился на книге. Заговор Катилины... Черт знает что.

Честолюбивые убийцы – это слишком патетично! Правда Цицерон хорош! Рыжий клоун, случайно получивший роль премьера. Как он старался соответствовать! Вот наука: не строй из себя... Впрочем, что мне до них?

Я не слышал, как она вышла из ванной. Моя пижама была ей велика. Висела мешком. Волосы. Гладкие, каштановые. Она, отмывшись, выглядела достаточно симпатично. Лицо совсем мальчишечье, чуть вздернутый нос, густые брови, крутые скулы и мягкий подбородок. Только губы полные, женские. И очень большие глаза. На правом виске небольшой шрам. Но сейчас ей не до разговоров. Это видно.

– На столике возле кровати бутылка с ромом. Налей себе

рюмку, выпей и ложись в кровать. Утро вечера мудренее.

Она послушно выпила ром, забралась в кровать. Потом оглядела комнату, и спросила: «А как же ты?» Но ответа уже не услышала. Уснула. Я еще какое-то время скользил глазами по строчкам, но потом выключил свет и только слушал ее тихое дыхание и глядел на то, как далеко, у горизонта, фосфоресцировало море. В июне оно всегда фосфоресцирует.

Утро было прозрачным и добрым. Я не спешил в булочную. Туда первым, еще затемно, приходит Георгиос, мой юный помощник-грек. Сын соседки – вдовы рыбака, работает у меня уже года четыре. Прибирает, привозит на тачке из пекарни свежий хлеб, и булочки из кондитерской, а по утрам выставляет за порог короб со вчерашним хлебом для нищих из-под моста. Он и по дому мне помогает. Его мать и три сестренки с тех пор, как он стал работать у меня, молятся каждый день о моем здоровье. Ведь, пока он у меня, они сыты, а он не попадет в банду. Они еще не знают, что я написал на Георгиоса завещание на дом и булочную. А знали бы, о чем тогда молились? Впрочем, несмотря на их молитвы, почти всю эту зиму я проболел. Какая-то лихорадка со сложным названием. Еще пару таких зим, и Георгиос вступит в наследство. Сейчас ему только 15, так что чуть подождет.

Уже давно, глядя на море, я не говорил любимой: «Здравствуй!» Сегодня сказал. И это было не патетично, а романтично. А она ответила мне, точно по сценарию, звонким криком чайки.

И еще она нежным солнечным лучом приласкала мне лицо, как ласкала его когда-то по утрам.

Анна еще спала. Одеяло сбилось. Солнечный луч из окна пробежал по узкой ступне, пощекотав маленькие пальчики. Действительно, почти детская нога. Лицо уже не было таким бледным, как вчера ночью. И синие круги под глазами исчезли. Зато отчетливей видно было, какие у нее длинные ресницы. И резче проступил белый шрам на виске. След ножа? Она слегка повернулась и что-то пробормотала сквозь сон. Под пижамой отчетливо проступила грудь. Уже вовсе не детская. Ну-ну... На травести она уже не годится. Уже не Джульетта... но еще не Оливия. А я собираюсь сыграть Бенволио, не иначе! Съехавший с ума старый паралитик за пол года до могилы задумался о женщине! Курам на смех! Я перебрался в свою каталку и направился в ванную. Душ по утрам мне просто необходим. Это не самая приятная часть дня. Нужно выполнить процедуры с конечностями. Потом переодеться. Здесь же, в ванной, унитаза и биде. И специальные перекладки. Иначе как бы я тут перемещался?

А когда я выкатил из ванной, то буквально натолкнулся на ее взгляд. Ну, как на столб.

– Это Город старых башен? – спросила она тоном больше утвердительным, чем вопросительным.

– Так его называют здесь, на карте он, кажется, называется иначе (Ну, чем не Бенволио?)

– А ты – Иоанн?

– Так меня называют здесь. И я уже привык к этому имени.

– А почему ты на коляске? Ты давно так?

– Милочка, ты задаешь нетактичные вопросы. Лучше б ты спросила, как я себя чувствую, или какая сегодня погода... Впрочем, я отвечу. Я «так» почти всю жизнь.

– Погоди, значит, ты не Иоанн?

– Когда-то меня действительно звали иначе.

– А где Иоанн?

– Анна, если только тебя действительно зовут Анна, почему так много вопросов? Ты уж объясни, пожалуйста, а то мне как-то непонятно.

– Я ищу Иоанна, владельца булочной. Он мне очень нужен! Очень!

Какая убедительность! Жаль, что я уже сказал, что не Иоанн.

– Ты опоздала на шесть лет. Тот Иоанн, который владел булочной все эти шесть лет ждал тебя на городском кладбище.

Она заплакала. Ну чисто девчонка, которой сладкую булочку не хотят покупать. У меня таких по три на день в булочной плачут. Потом, когда слезы потекли уже не рекой, а ручейком, я сумел ее расспросить подробней. Устарел Шекспир! Анна, по ее словам, росла в столице. Отец был большой начальник, и все у нее было очень хорошо. Пока ей не исполнилось 17 лет. Она окончила очень престижный колледж и

должна была ехать учиться в Сорбонну. Специальность – то ли психоэлектронника то ли электропсихика. Я так и не понял. Но вдруг ее отца посадили в тюрьму. Потом пришел его бывший начальник, сказал, что отца еще можно вытащить, но они с матерью должны вернуть те деньги, которые отец вроде бы украл. У них не было этих денег. Мать продала все, что у них было. Но этого все равно было мало. Потом матери сказали, что Анна может отработать долг в постели у начальника. Тогда мать и перестала соображать. Попала в психушку. А Анна сбежала. Про дядю Иоанна ей рассказывала мама, когда еще что-то понимала. Он был ее последняя надежда. Мама говорила, что у него есть деньги. И, хотя он жадный, но племянницу, быть может, пожалеет. Если не даст денег, чтоб вытащить брата из тюрьмы, то хоть спрячет ее у себя. Книжка, которую я у нее увидел, – это семейный фотоальбом. Я посмотрел. Морда у настоящего Иоанна действительно, выдавала очень жадного человека. Кашей и Плюшкин в одном лице. Вряд ли Анне что-либо у него светило. Разве что сдал бы ее в аренду в бардак в Веселом квартале. Я ей так об этом и сказал. В результате получил очередные реки слез.

Мог бы догадаться. Дальше надлежало что-то придумать с этой девчонкой.

Прятать ее бесполезно. Она показала в альбоме фото начальника отца, и я узнал его. То есть лично мы знакомы не были, но о его делах я, в свое время, читал. Очень крутой. И очень опасный по женской части. В газетах писали о двух

его женах, покончивших с собой, о пропавших бесследно де-
вушках, о тайном притоне в пригороде столицы.

Тут было над чем подумать. Отныне я – рыцарь, защища-
ющий вдов и сирот. И чем моя коляска не Росинант? На од-
ной из фотографий в альбоме отец Анны был с каким-то ти-
пом, похожим на меня. То есть на меня тех времен, когда я
ходил на двух ногах. Эту фотографию я и взял. Потом пре-
дупредил Анну, что если она выйдет из дома, то на нее напа-
дут пираты, бандиты и инопланетяне одновременно, а если
высунется в окно, то подстрелит снайпер-самоубийца. Еда в
холодильнике. Книги в шкафу. Телевизора, радио, магнито-
фона нет и никогда не будет. Никому не открывать. А если
вражеские армии взломают дверь – хоть под пытками утвер-
ждать, что она моя племянница, а я ее родной дядя.

После этого я покатил в мэрию. Секретарша впустила ме-
ня в кабинет мэра без вопросов и препирательств.

– Здравствуй Иоанн! Что ты все на коляске? Купил бы уже
машину! – это он так приветливо со мной шутил. Знаем мы
эти барские шуточки! Он знал, что машин я не люблю. Да и
некуда мне на машине ездить. В исторической черте города
внутри крепостных стен автотранспорту движение запреще-
но. Даже мэр ходит пешком. Мерседес ждет его на автосто-
янке за крепостными воротами. А всего в двух милях от го-
рода – порт. Там и машины, и мобильные телефоны, и ком-

пьютеры. Словом, сумасшедшая современная жизнь.

После моего приветствия заговорили о делах.

– Мэр, вот на фото я с братом. Брат работал во Всеобщих системах связи. Но его босс, этот рыжий боров, захотел его дочку, мою племянницу Анну. Он посадил брата, довел до психички его жену и насел на девочку. Это ведь полный беспредел. Девочка сейчас у меня.

Можете Вы спасти племянницу? (Все это – со слезой в голосе. Убедительно, чуть сентиментально, но без сю-сю. По моему – неплохо!)

Мэр Города старых башен не последний человек в нашей стране. Его влиянию мог бы позавидовать иной министр. Тому есть несколько причин, называть которые не стоит. Ну а мэр, в свою очередь, играет роль покровителя инвалидов. Кроме того, мне удалось решить одну очень сложную и запутанную проблему, связанную с личными и финансовыми взаимоотношениями мэра, его заместителя и его жены. Но это совсем другая пьеса.

Мэр достал из сейфа телефон с особым диском, и стал его накручивать. Я тактично отъехал в угол кабинета, но имена, которые я слышал, меня радовали.

В результате получасовых переговоров по этому хитрому телефону, мэр пообещал, что поможет решить проблему. Только на это нужно время. Пару месяцев. До этого времени покидать стены города племяннице не следует, а внутри стен ее, если нужно, защитит полиция. Ну, в этом я серьезно со-

мневался. От того, кто хотел Анну, никакая полиция в мире защитить не могла. Зато могли другие люди.

Я зашел в банк, и достал из своего сейфа несколько вещей, которые хранил как раз на такой случай. Потом я скатился в свою булочную. Я говорю «скатился», потому что мэрия находится в самой высокой точке города, в бывшем княжеском дворце. Георгиос отпускал покупателей. Он был расторопным и вежливым парнем, по-доброму шутил и мило улыбался. Не слишком умный, но и это – слава Богу! Зато не имеет комплексов. И не играет никого. То-то будет хороший булочник через пару лет!

Взгромоздившись за прилавок, я попросил парня повидать Хлыста и Грузина – обоих главарей банд (то есть, простите, директора концерна «Дары моря» Виктора Сергеевича Шматько и председателя Союза предпринимателей Приморского региона Сакварелидзе Георгия Шалвовича). Каждому я послал записочку с просьбой навестить меня в полдень. Мне нужны были они оба и сразу, потому что только так, ревниво следя за действиями друг друга, они представляли особую силу. Грузин, поддерживавший среди своих твердую дисциплину, «держал» игорный бизнес, и все прочие развлечения в городе, сервис, а также промзону за городом: склады, мастерские, автобусный и грузовой транспорт. Ну, а у Хлыста народ был вольный – контрабандисты и пираты. Каждый рыбак и каждый грузчик в порту платили ему процент. Под началом у каждого было по сотне отъявленных

головорезов, в том числе адвокаты и спецназовцы. В мэрию эти два «бизнесмена» никогда вместе не ходили. Только ко мне. В свое время мне удалось убедить обоих, что в равновесии их сила. Я говорил, как Дизраэли! Жаль, что никто кроме них не слышал!

У меня в булочной два входа: для тех, кто спускается сверху, из центра, и для тех, кто поднимается снизу, от моря. Оставив своих бугаев-телохранителей на улице, оба зашли ко мне в булочную ровно в полдень, под бой часов на башне княжеского замка, каждый через свою дверь. Я перед этим удалил всех покупателей, а Георгиос поставил посреди зала стол, два стула, и уже нес кофе.

Хлыст, бывший морской десантник, здоровенный и вроде даже неуклюжий, ум имеет острый и пронырливый, слывет большим любителем парадоксов. Грузин – бывший спортсмен, любит во всем систему и порядок. Преферансист. Любит планировать и терпеть не может, когда планы нарушаются. Вот этим, столь несхожим людям, я и изложил свою просьбу: на племянницу охотятся, и ее нужно побереечь. Месяц, ну пусть два.

Хлыст первый сказал: «Добро!» Ему улыбалась перспектива посоревноваться со столичными фраерами. Ему лишь следовало сказать всем своим: «С моря ни одного чужого в город!» Грузину это явно нравилось меньше. Отвлекать людей от уже распланированных дел он явно не хотел. С другой стороны, это была новая интересная комбинация, и он уже

начал планировать. Я словно читал в его лице: «Трех человек и джип к посту дорожной полиции, двух человек на автозаправку, по два человека на городской автовокзал и пригородную автостоянку, распоряжение в гостиницы, нищим под мост». Наконец он проронил «Согласен!». Ни один не сказал о своих затратах. Не перевелись еще у нас джентльмены! Впрочем, я тоже не хотел оставаться неблагодарным. Вечером Георгиос отнес каждому из них небольшой футляр. Хлыст получил малайский крис XVI века (он собирал коллекцию ножей), а Грузин, любитель искусства, – православную икону XIX века в серебряных ризах. Я же сыграл роль рыцаря, спасающего девицу от дракона. Что может быть прекрасней! Множьте добрые дела!

Домой я вернулся, как всегда, затемно. Анна сидела в кресле, поджав колени к подбородку, и глядела в камин. Там догорало, уже подернувшись пеплом, толстое березовое бревно. Ее одежду я выбросил в мусорник еще утром. Но сейчас принес новые джинсы, свитер и кроссовки. И халат – хватит ей ходить в моей пижаме!

– Все, красавица! – сказал я, – период отшельничества кончился. Отныне и до особого распоряжения стены твоей темницы расширяются до стен этого горда. Завтра ты, вместе с моим помощником Георгиосом, обойдешь весь город чтобы каждый налогоплательщик и каждый нищий запомнил твое ясное личико. Так мы сбережем тебя от позора и поношения, дабы неповадно было... – как завершить эту глупую

фразу я так и не придумал, поэтому попросил Анну достать из кладовки на кухне оплетенную лозой бутылку и сыр из холодильника.

Крестьяне, что живут на окрестных горах, испокон веку выращивали виноград и делали вино. Некоторые сорта местного вина могли бы выигрывать золотые медали на выставках, если б кому-нибудь взбрело в голову туда эти вина послать. Но пока, слава Богу, этими винами наслаждаются жители Города старых башен. То, что поставила на столик Анна, было темно-красным, густым, сладким и пахло почему-то сухой выжженной степью. Я налил вино себе в пузатый бокал, ей в маленькую ликерную рюмочку. Мы выпили за тех, кто в море, и за успех нашего предприятия, потом за то, чтоб нашим врагам снились огромные тараканы, потом за здоровье полицейских и воров. Потом я понял, что очень даже пора спать. Ведь прошлую ночь поспал совсем мало, а день был напряженный. Анна пошла в ванную, а я подкатил к креслу, и перебрался в него. Книгу я взять не успел. Заснул сразу. Давненько я так быстро не засыпал!

И снова ласковое, уютное утро. Любимая бросила мне в глаза солнечный лучик. Однако пора! Когда я вышел из ванной, Анна еще спала.

– Вставайте, Принцесса! Вас ждут, как утверждал один социалист, великие дела! Нынче Вас представляют двору! Его величество рабочий класс уже ждет с нетерпением. Нельзя спать в такой день!

Анна проснулась легко, вскочила с кровати и умчалась в ванную. Когда она вышла оттуда, я ощутил чувство, похожее на гордость. Мне не довелось стать отцом, но, думаю, что именно так себя чувствуют отцы, выводящие красавицу-дочь в свет. (Лев Гурыч Синичкин, привет!) Хотя мне Анна даже не племянница.

– Пошли, красавица. Ты позавтракаешь в городе. Сегодня весь он у твоих ног.

И мы пошли. То есть опять же, она пошла, а я покатил. Через десять минут мы были у порога моей булочной. Я позвал Георгиоса.

– Сынок, это моя племянница. Ее зовут Анна, и она поживет у меня какое-то время.

У нее неприятности там, в большом мире, ее хотели забрать себе нехорошие парни. Поэтому она и приехала ко мне. Хлыст и Грузин обещали, что у нас она будет в безопасности. Но ты с ней погуляй по городу. Представь ее людям. Пусть все знают, какую жемчужину мы забрали у нехороших парней. Ты возьми вчерашнюю выручку, чтоб вы могли перекусить, да и прикупить чего-нибудь, что она захочет.

Они ушли, а я весь день провел за прилавком.

Когда я прикатил домой, Анны еще не было. Я сидел в кресле, держал в руках «Записки о Галльской войне», но читать не мог.

Окно было приоткрыто, и я хорошо слышал в ночной тишине музыку и смех из Веселого квартала. Вот принципи-

ально не буду о ней думать!

Они пришли далеко за полночь. Еще издали был слышен ее смех, потом она запела что-то. Георгиос пытался ее утихомирить, Боже, да она пьяна! Упала! Они завозились у входной двери. Георгиос хотел уйти, но она, видно, совсем не держалась на ногах. Он затащил ее в дом, и, как мешок, бросил на кровать. Я молчал, и пристально смотрел на него. Мальчик был очень смущен.

– Иоанн, она просто очень устала. Мы обошли весь город, и теперь каждый нищий и каждый лавочник знают ее в лицо. А потом сидели в кабачке у Остапа. Выпили совсем чуть-чуть вина. Она танцевала без конца, очень понравилась Остапу, и он сам угостил нас украинской горилкой с перцем. Ее просто от усталости развезло.

Георгиос всегда говорил правду. Ну что ж! После того, что эта девочка пережила, она могла расслабиться.

Остаток ночи я без сна провел в кресле. Спокойное течение жизни нарушилось, и я еще не знал, стоит ли об этом жалеть. Я ведь, кажется, хотел именно покоя?

Утром я покатил в булочную, когда она еще спала. Ничего. Пусть проспится.

После полудня послал Георгиоса со свежими булочками к себе домой. Он вскоре вернулся, и сказал, что Анна только проснулась, передала за булочки «Спасибо», и обещала чуть позднее подойти в булочную.

А потом она пришла. Я сперва и не узнал ее. В булочную

вошла суперзвезда. Шикарное, облегающее, открытое красное платье, красная широкополая шляпа с тонкой черной лентой, тонкие черные туфельки на высоком каблуке с крошечными красными камушками и такая же черная с красными камушками сумочка. И большие черные очки, тоже с крошечными красными камушками. Но главное – фигура, походка. Это действительно была звезда. Королева подиума. Оказывается, они с Георгиосом вчера купили ей эти шмотки в лучшем магазине города. Сюрприз мне делали. По этому поводу мы закрыли булочную раньше обычного, и пошли кутить к Остапу. Мне тоже хотелось расслабиться. На двери я повесил объявление: «Желающие выпить за мой счет, милости прошу к Остапу»

Остап – мой приятель. Мы с ним иногда играем в шахматы. Он бывший моряк, и у него одна рука. Вторую когда-то отгрызла акула. В летнюю пору Остап выставляет столики на площадь перед своим кабачком. У него не так изысканно, как в ресторанах и барах Веселого квартала, но его жена замечательно готовит рыбные блюда, цены доступны, а маленький оркестрик знает бесконечное количество мелодий. В этот вечер у него было людно. Анна была безусловной королевой. С музыкантов пот лил в три ручья, а она, не уставая, танцевала каждый танец. Сам Остап сплясал с ней горячую самбу. Эта девочка, которой и 18-и то не было, влюбила в себя всех. Я видел, как Шкворень, один из людей Хлыста, увел в темноту двух здоровенных моряков, которые осо-

бо рьяно к ней приставали. Обрато они вернулись поврозь. Моряки притихли, быстро расплатились и ушли. Шкворень умел убеждать. А Анна все танцевала. Георгиос выбился из сил. Только красивый невысокий паренек с длинной черной гривой держался с ней наравне. Судя по говорку – голубой. Ну и пусть! У нас здесь демократия и плюрализм.

Поздно вечером подошел сын Остапа, сам моряк. Его попросили спеть, и он взял в руки гитару, и запел красивым, высоким голосом:

Прощай, родная. К черту грусть!
Не стой у пирса сиротливо.
Я может быть к тебе вернусь.
В полночный час с волной прилива.
Я вернусь! Я вернусь! Я вернусь!
Я вернусь, и насмешливым глазом
Будет солнце блестеть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом
Будет ветер гудеть в парусах
А если даже не вернусь,
Не так уж велика потеря
Пусть ты взгрустнешь разок и пусть
Другой не ждет в тот день за дверью
Ну и пусть. Ну и пусть. Ну и пусть.
Ну и пусть. Пусть насмешливым глазом
Будет солнце блестеть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом

Будет ветер гудеть в парусах.
Нас проклял Бог и царь морской,
Забрав навечно наши души,
И в море вновь глядим с тоской,
Едва ступив ногой на сушу.
Бог морской, царь морской, черт морской.
Черт возьми, ведь насмешливым глазом,
Будет солнце блестеть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом
Будет ветер гудеть в парусах.
Прощай, родная, не грусти
Пусть ветер крут, и мачты гнутся
Ведь, чтобы в море вновь уйти
Сперва должны домой вернуться.
Чтоб уйти. Чтоб уйти. Чтоб уйти.
Вновь уйду, и насмешливым глазом
Будет солнце блестеть в небесах
Будут чайки лететь и рыдать над баркасом
Будет ветер гудеть в парусах.
Пусть будет сын всегда с тобой
Пускай цветет за домом слива,
Ты жди, что вынесет прибой
В полночный час с волной прилива.
Нам с тобой, нам с тобой, нам с тобой.
Нам с тобою насмешливым глазом
Будет солнце блестеть в небесах

Будут чайки лететь и рыдать над баркасом

Будет ветер гудеть в парусах.

Веселье притихло ненадолго. Ведь здесь почти в каждой семье море забрало хоть одного мужчину. Но моряки не умеют долго грустить. Снова заиграл оркестрик, и Анна снова танцевала с длинноволосым геем.

Когда часы на замковой башне пробили полночь, я сказал, что пора домой. Анна, разгоряченная и веселая, пожала плечами, потом взялась за спинку моей коляски, и покатила меня к дому. Георгиос плелся сзади.

Дома она сразу направилась в ванную, а я перебрался в свое кресло у камина и взял в руки Моммзена. Анна вышла из ванной в махровом халате, с полотенцем, обернутым как тюрбан вокруг головы. Увидев меня в кресле, запротестовала:

– Ты уже три ночи провел в кресле! В конце концов, это невежливо. Я молодая и здоровая... – тут она запнулась, потому что сказать: «А ты старый калека» постеснялась, – и мне тоже хочется ночевать в кресле! – закончила весело. У меня почему-то не было сил возражать. Я принял душ, переоделся в пижаму и улегся в постель, а она котенком свернулась в кресле.

Заснул я сразу, но спал плохо. Моя любимая вместе с теплоходом уходила под воду, а я стоял на берегу, по колению в песке, и никак не мог вытащить ноги, чтобы броситься к ней на помощь. Проснулся еще затемно. Меня била дрожь. Бы-

ло очень холодно, хотя я лежал под пуховым одеялом. Похоже, вернулась та болезнь, которая изводила меня зимой. Я зажег лампу на столике при кровати, перебрался в коляску и покатил в кухню. Выпил аспирин, стакан чаю. Потом натянул толстый вязанный свитер, и снова улегся. Мне удалось достаточно быстро заснуть, и снова я видел кошмары. Море. Я сижу в лодке, которая медленно погружается в воду. Я ладонями вычерпываю воду, а она все прибывает. Берег виден, он совсем недалеко. Но я не могу взяться за весла и грести, потому что нужно вычерпывать воду...

– Иоанн! Проснитесь!

Я просыпаюсь. Уже день. И у моей постели доктор Петр. Круто же меня прихватило! Оказывается, утром Анна проснулась от моих криков. Меня трясло крупной дрожью, она испугалась и побежала в булочную за Георгиосом. Тот позвал врача. Доктор Петр, осмотрев меня сказал, что это та же болезнь, названия которой я так и не запомнил. Приступы будут повторяться, так что нужно полежать пару дней в постели. Выписал мне какую-то микстуру, посоветовал растереться акульим жиром. А когда начну выбираться из дому, поменьше бывать на открытом солнце.

Когда доктор ушел, я попросил Анну позвать Георгиоса.

– Сынок, – сказал я ему, – я сдаю тебе вахту. И ты знай, если болезнь меня одолеет, то все распоряжения в большой шкатулке с документами в книжном шкафу. Ты станешь хозяином булочной и этого дома, и счета в банке. Я там указал,

что прошу похоронить меня в море. Ты сам знаешь, как это сделать. И если Анна еще будет здесь... ты ведь поможешь ей? Ей нужно помочь! (Что-то из Вальтера Скотта, или даже еще хуже – Корнеля... Но публика отреагировала и почти заплакала)

– Помогу, Иоанн! Конечно, я помогу Анне! Только это все зря. Ты же несерьезно? Не такая у тебя страшная болезнь! Доктор Петр говорил, что от нее совсем немногие умирают. И только старики, а тебе еще и сорока пяти нет.

При этом он посмотрел на Анну так, будто это она была виновата в моей болезни, а не проклятый ДЦП.

Анна, в свою очередь, переводила удивленный взгляд с Георгиоса на меня. Она, наверно, думала, что мне не меньше шестидесяти. Болезни не красят!

Потом я, наверно, заснул, потому что, открыв глаза увидел только Анну.

– А где Георгиос?

– Ушел в булочную. Я сама за тобой поухаживаю. Я тут сварила бульон, и думаю, что тебе пора поесть.

Это была хорошая идея, но приступ еще не прошел. Меня колотило крупной дрожью, так, что зубы стучали. И чашку с бульоном я не мог удержать. Убедившись в этом, Анна покормила меня с ложечки, как маленького мальчика. Потом я опять забылся. Очнулся, когда за окном уже стемнело. Приступ прошел, только слабость осталась.

Анна сидела в кресле и что-то читала.

– Георгиос приходил. В булочной все в порядке. Он придет завтра с утра и принесет акулий жир. Его, оказывается, можно купить только у старого рыбака, которого называют Катраном. Этот Катран сегодня ночью вернется с уловом, и приготовит акулий жир, потому что для растираний он должен быть совершенно свежий, а еще он помогает от язвы и при высоком давлении, только тогда его нужно пить.

Она рассказывала вещи, которые я давно знал, но мне было приятно слушать ее болтовню. Потом я почувствовал страстное желание облегчиться. И подумал, что лучше бы на ее месте был Георгиос. Мы же не модернисты какие-нибудь, чтобы испражняться на сцене!

– Красавица, помоги мне забраться в коляску! – пробормотал я, умоляя в душе, чтобы только она не стала расспрашивать: «Зачем?»

Она промолчала. Тактичная. Я сделал то, что хотел, кое-как сполоснулся под душем.

Растереть конечности камфорой я уже не мог. Сил не было.

И вновь утро. Меня разбудили голоса. Георгиос и Анна возбужденно говорили о чем-то на кухне. Кажется, ругались. Я позвал: «Георгиос!»

Он зашел. Красный, очень смущенный.

– Георгиос, сынок! Ты ведь обещал заботиться об Анне, а не ругаться с ней.

– Она не хочет, чтобы я оставался с тобой! Она говорит, что сама может за тобой ухаживать. А я ей объяснял, что есть случаи, когда мужчина должен помогать мужчине. Посрать, например.

Георгиос вообще-то вежливый малый, но он из рыбацкого квартала. Здесь в выражениях не стесняются, и вещи называют своими именами.

Тут выскочила из кухни Анна – пунцовая, и какая-то взъерошенная.

– А я говорю, что нет таких случаев. Я все прошлое лето проработала сиделкой в приюте для слабоумных и престарелых. Нет таких случаев! Я лучше него могу и судно подать, и член обмыть и жопу подтереть!

Вот от нее-то я таких выражений не ожидал! Хотя, если подумать, реализм в искусстве, великий Феллини...

– И парализованные ноги камфорой растереть умею лучше него! Я ведь знаю, что тебе надо!

Но тут меня опять начало трясти, и я отключился. Пришел в себя – Георгиоса нет, Анна дремлет в кресле. Я попытался встать, перебраться в коляску, но тут она проснулась.

– Иоанн! Я ведь не шутила. Георгиос принес судно, одолжил у соседки. Ты не вздумай сам дергаться. Я действительно все сделаю. И подам, и вытру, и обмою. Ты только скажи.

– Успеешь еще, красавица. Покуда я еще в состоянии шевелиться, я уж сам... Ты только помоги мне в каталку перебраться.

На этот раз мне удалось собраться с силами и растереть ноги. Но когда я выкатил из ванной, Анна ждала меня с бутылочкой желтой жидкости в руках.

– Никуда не деться! Акульным жиром я тебя разотру, хоть на помощь зови!

Я покорно сдался на ее милость, и стащил с себя свитер и пижамную куртку. Акулий жир пах тем, чем и положено: рыбой. В принципе, здесь, недалеко от рыбацких причалов, все пахло рыбой, но акулий жир пах особенно пронзительно. Я после растирания чувствовал себя здоровенной полусонной рыбиной, выброшенной волной на берег. И пах соответственно. Анна достала откуда-то байковую рубашку и надела на меня. Оказывается, Георгиос по ее поручению уже сделал покупки. И продукты принес, и сменную одежду. Она им уже вертела! Ну и девчонка!

Потом я рассказывал ей об Индии и Тибете, где мы побывали с любимой. О том, какие там, в горах, восходы и закаты. О хитрых буддистах и мудрых ламах. И о том, почему Рериха не пустили в Шамбалу.

Была уже ночь, когда меня опять начало трясти. И тут она сказала: «А ну-ка подвинься, я устала спать в кресле. Как ты только здесь три ночи просидел!» И тут же сама подвинула меня, и улеглась рядом. Потом я поплыл... Я нырял с лодки. В руках у меня был тяжелый камень, как у индийских ныряльщиков за губками. Я был гол и только к руке была привязана короткая пика – от акул. Камень утягивал меня

в глубину, и там, в бездне, что-то черное и страшное ждало моего приближения. Потом я начинал задыхаться, бросал камень, всплывал, и вновь нырял. Этот странный, тяжелый сон продолжался всю ночь. Утром я обнаружил, что вместо камня сжимаю в руках Анну. Как она оказалась у меня под одеялом, я не помнил. Впрочем, камень и женщина для меня значили одно и то же. Я ясно помнил, что я старый, умирающий инвалид, уже почти 12 лет как безногий и бесполой.

Я осторожно разжал руки и постарался отодвинуться от Анны. Что, впрочем, оказалось не так и просто: она и сама обхватила меня руками. Куда как мило! Что бы подумал Георгиос, если бы вдруг зашел?

Тут она проснулась, разжала руки, и проворковала, улыбаясь:

– С тобой очень приятно спать! Ты крепко обнимаешься, но не пристаешь!

– Это главное достоинство моей болезни. Полная безопасность для женщин. Я как раз собирался открыть маленький бизнес по согреванию девиц в постели инвалидами.

Потом она помогла мне перебраться в коляску, и я направился в ванную.

После завтрака она сказала:

– Иоанн! Ты уже пошел на выздоровление, а я засиделась дома. Я хочу попробовать стать булочницей. Вчера Георгиос обещал меня всему научить. В жизни это больше пригодится, чем психотроника. Так что, если ты не возражаешь, я до

обеда поработаю в булочной, а потом или я, или Георгиос к тебе придем.

Ну что ж! Мне приятно смотреть на этот розовый бутон, но это совсем не значит, что и ей приятно смотреть на сморщенный стручок перца, каковым я, по сути, являюсь.

– Иди, красавица, постигай! Авось пригодится!

И она пошла. А я стал мечтать о будущем. Я выдал Анну замуж за Георгиоса, и сделал толстой доброй матроной с тремя сыновьями и тремя дочкам. Потом все зачеркнул за банальностью, и сосватал ее за Хлыста. Она наследует пиратскую империю, как Мадам Вонг. И в черном облегающем кожаном плаще всходит на палубу океанского лайнера, под вопли пиратов: «Кошелек или жизнь!» Нет, слишком феерично! Она выходит замуж за мэра! Он становится премьером, а Анна бродит с унылым видом по светским раутам и артистическим тусовкам. Хотя, почему обязательно замуж? Звезда психотроники за выдающийся вклад получает Нобелевскую премию! Очень интересно! А положены дамам при этом полосатые брюки? Анна во фраке и полосатых брюках!

Но тут пришла Анна. Принесла теплые булочки и молоко. Очень мило!

Потом она погладила меня по щеке и сказала: "А я узнала, что у тебя завтра день рожденья. Это здорово! Это нужно как-то отметить, неординарно". И спросила, не хочу ли я покататься на катере по заливу. Георгиос возьмет катер у Шкворня (я уже рассказывал, это помощник Хлыста, и у него

несколько прогулочных катеров), и мы покатаемся.

Мне очень хотелось. Но я боялся. После того, как море забрало мою любимую, я и в ванной-то сидеть не мог. Да, я смотрел на море. Но только пока море было достаточно далеко. Подойти к воде, залезть на эту тонкую железку. Нет, это выше моих сил! И ощущать глубину под ногами. Затягивающую глубину.

– Иоанн! Иоанн! Да что с тобой?!

Я, кажется, потерял сознание. И почему я не сошел с ума на какой-нибудь другой лад?!

– Все, принцесса, я еще не слишком здоров для таких прогулок. Как-нибудь потом...

Вечером это предложение изложил Георгиос.

– Я знаю, тебе страшно. Но ты ведь настоящий моряк!

Даже такого умного и хитрого угря, как я, можно купить на лесть. И взять голыми руками.

Я не моряк, я безногий и бесполой калека. Уже почти 12 лет. Но я растаял.

Шкворню я послал записку. Катер ведь не игрушка, и просить его должен не мальчишка, а мужчина. Моряк. Я играл совершенно глупую роль, играл бездарно, но даже не замечал этого.

На причале нас ждал Стоян, адъютант Шкворня. Детина, размером с одежный шкаф.

Когда он взял меня на руки, чтобы перенести на катер, я поверил, что все будет хорошо. Такой мог поплыть с нами со

всеми и без катера.

Мою коляску привязали (по морскому – принайтовали) к металлическим поручням впереди, перед рубкой. Хотя меня накрыли пледом, я уже начал трястись. С какой радостью оказался бы сейчас на берегу! Но я сцепил зубы и молчал. Они ведь думают, что доставляют мне удовольствие! Это была пытка. Главное, было не думать о той глубине, что под нами.

Потом из каюты вышла Анна в купальнике, и мне сразу стало легче. Глядя на нее думать о чем-то другом, – уже не получалось. Она действительно была прекрасно сложена, но, главное, двигалась так, что у Стояна челюсть отвисла. А Георгиос, который сзади укладывал причальный канат, сразу отвернулся. Он был в плавках, и его чувства, как бы это сказать, выпирали наружу.

Анна встала впереди, на носу катера, держась руками за леера, и ее открытая попка (ох уж мне эти современные купальники!) явно служила компасом Стояну. И я, честно говоря, забыл страх. Не то, чтобы я вновь почувствовал себя мужчиной, но что-то внутри все же шевельнулось. Впервые за 11 с лишним лет! И потом, я ощутил море как море, а не как бездну под ногами. Розовые и голубые купола медуз под зеленовато-голубым стеклом воды вновь вызывали восхищение. Наш катер пересек бухту, развернулся на траверзе береговых створов и вышел за волнолом. Здесь ветер был чуть крепче, и катер больше закачало на встречной волне. Ко

мне вернулся страх. Анна наверно почувствовала это, спустилась в каюту, а затем вышла оттуда с оплетенной лозой бутылкой и стаканами. Разлила вино по стаканам, она поднесла каждому. Вино сразу ударило в голову. Казалось, катер сильней закачал. И я уплыл.

Когда пришел в себя, мы были в море, катер сильно качало, и двигатель молчал.

Анна стояла рядом со мной, и брызгала в лицо водой.

– Что случилось, Анна? Поломалось что-то?

– Ну почему сразу поломалось? Просто вы, мужчины, так быстро пьянеете...

Тут было что-то не так. Я помню, что Стоян в кабачке у Остапа на спор выпивал не отрываясь трехлитровую бутылку рома и после этого поднимал одной рукой дубовый стол за ножку. Опьянеть от стакана вина? Мне стало страшно.

– Анна, что происходит?

– Видишь ли, Иоанн, ты ведь когда-то имел другое имя, и это имя почему-то ассоциируется у меня с большими деньгами. А мне как раз срочно не хватает денег. У меня большие планы.

Сумасшедшая девчонка! Она каким-то образом раскопала давно стертые страницы моего прошлого. Да, так случилось, что Фортуна ставила на меня, как на призовую лошадь. И я брал приз за призом. Я играл на бирже, сделав вещи, вспоминать о которых стыдно до сих пор. Деньги, которые я

получил, пахли мертвечиной. Я избавился от них, но следующей шуткой судьбы был клад, совершенно мне не нужный. И только я нашел ему правильное применение – на меня свалилось неподъемное наследство. Лишь когда я очистился и от него, мне выпал главный приз – счастье. Да, сейчас кроме булочной и домика у меня почти ничего нет. Но у девочки в глазах горела такая жажда, что говорить ей об этом не стоило. Я осмотрелся. У входа в рубку, прислонившись к спасательному кругу, сидел Георгиос. Он был без сознания, но, слава Богу, дышал. Если и Стоян еще жив –девочка не совершила непоправимого. А вдруг она не одна? Какая-то серьезная группировка...

Нет. Серьезный бы человек уже проверил мои расходы, и знал бы, что у меня пожить нечем. Она, наверное, случайно натолкнулись на какой-то фактик. Ведь кое-что было и в газетах, и в Интернете. Да, конечно, она не одна. Сообщник – хитрый аферист. Такую жажду наживы нужно еще разжечь.

– Анна, погоди, ты о каких деньгах? Я ведь все, что было вложил в дом и булочную...

(Правильно, она же не рассчитывает, что я так просто ей выложу миллионы. Пусть заодно расскажет, что ей известно).

– Иоанн, ты может, забыл, но некто Потальский, не будучи

гражданином Соединенных Штатов, оплатил шестьдесят девять миллионов Налоговому Агентству США, в январе 2002 года. С каких доходов налоги, Иоанн? И почему в этом же месяце двое украинских хакеров были освобождены от уголовного преследования и срочно высланы из Штатов? А обвинение у этих хакеров тянуло на четверть миллиарда долларов. Но в газетах даже фамилий не называли, только ники интернетовские. А один ник такой интересный: «Инвалид» Вот ты, Иоанн, не знаешь, кому могло прийти в голову брать себе такой странный ник? И вернулся этот хакер со странным ником в украинский город Днепропетровск, да там и затерялся. Или почти затерялся. Ты с ним, случаем, не знаком? Если нет, то зачем ты среди самых важных своих документов хранишь вырезки из газет обо всех этих давних делах? А если знаком, то быстренько-быстренько свяжись вот по этому мобильнику. Пусть он назовет тебе номера счетов и коды, где его денежки отлеживаются. Потому что если он тебе не поможет, то через несколько коротеньких минуточек наш бугай капитан кувыркнется за борт. А плавать в том состоянии, в каком он сейчас, он не сможет. А вслед за ним в море нырнет твой любимчик-грек. И я рада сообщить, что третьим пловцом будешь ты. Ты ведь давно мечтаешь о том, чтобы поплавать в море?

Меня прошиб холодный пот, и она это видела. То, чего она не видела, это как я левой рукой под пледом развязал узел каната, который крепил мою коляску к перилам.

А она все протягивала мне мобильный телефон в наручных часах. Кто-то все же передал ей этот телефон. И теперь этот аферюга, конечно, ждет на рейде порта, на каком-нибудь арендованном судне, готовый выйти в море. В городе он находиться не может, там не действует мобильная связь. А если у нее не получится... она утопит Стояна и Георгиоса и меня. А ведь сообщник потом ее утопит, чтобы следы оборвать. Только ей об этом нельзя говорить.

Это была совершенно невероятная игра – быстро и без ошибок найти образ и линию поведения, чтобы сохранить жизни Георгиосу, Стояну, девочке и, если очень повезет, себе. Только эта бездна под ногами не давала думать. Притягивала, засасывала. Я уже ясно слышал, как плещется в трюме вода.

– Анна, ты всерьез считаешь, что я такие числа в уме держу? Они в маленьком компьютере, в моем личном сейфе городского банка. Если бы ты просто попросила, я бы эти деньги тебе и так дал. Зачем они мне? Мне ведь и вправду скоро помирать. За год-два меня эта лихорадка убьет. Но как этот компьютер получить? Ты ведь меня побоишься отпустить?

– Еще чего? Этот мальчишка может что-то и значит для тебя, но если ты столько лет берег свои сокровища, вряд ли он тебе дороже!

Ах, знала бы она, как ошибается! Даже ее глупая жизнь значила для меня больше, чем все, чем я когда-либо владел.

– Ну так пусть тот, кто дал тебе этот мобильник, зайдет в мою булочную. В сейфе под прилавком конверт. Там лицензия на торговлю, абонентская карточка и ключ от сейфа банка. По этой карточке его пустят в хранилище, если он скажет что пришел по моей просьбе и назовет код. Шифр сейфа и код в банке одинаковые: Ника 2004.

Я слышал, как Анна что-то шептала в мобильный телефон. Расчет мой был простой. Если ее сообщник сейчас на рейде порта, ему понадобится минимум два часа, чтобы добраться до моей булочной. Даже если это житель города, кто-нибудь непременно обратит внимание, что в булочную без меня и без Георгиоса зашел посторонний.

Потом банковский служащий запустит чужого с моим ключом в хранилище, но непременно доложит управляющему. А управляющий почти наверняка сообщит о необычном случае полиции. Полиция уже настороже по просьбе мэра. В общем, время работало на меня. Оно и сработало, хоть не так, как я ожидал. Сообщник Анны оказался умней, чем я рассчитывал. Анна завела двигатель, и наш катер двинулся в сторону порта. На рейде стоял старенький, потрепанный кораблик. На палубе улыбался до ушей тот самый длинноволосый парнишка и манерами гея, с которым танцевала Анна у Остапа.

– Герман тут пока побеседует с тобой, а я сама схожу в булочную и в банк, – сказала Анна.

Это перечеркивало все, что я придумал. Она не посторонний. Я сам этого добивался, чтобы ее считали моей племянницей. Старый осел! Что же делать?

А парнишка перепрыгивает в наш катер. И, оказывается, к кораблику с кормы причалена маленькая прогулочная лодочка. Анна садится в лодочку и гребет к берегу.

Так... что там древние Римляне говорили: «Разделяй и ...»

– Герман, а который сейчас час?

– Час пополудни. А тебе, дедуля зачем? Хочешь знать сколько еще проживешь?

– А спорим, Герман, что девочка через час позвонит и сообщит, банк на перерыве, или что служащий ушел обедать, или что в сейфе нет компьютера?

Я это потому говорю, что сегодня как раз день тур-экскурсий, и экскурсионный автобус уезжает от главных ворот крепости как раз в два тридцать. Жаль, я с нашей девочкой попрощаться не успел! Не увидим мы ее больше!

Герман забеспокоился. О том, что диабетик Альберт обслуживает в нашем банке сейфы, и в пол второго уходит на час, чтобы сделать укол и пообедать знают только абоненты сейфов банка. А в банке, и это знают уже все, перерыв с часу до пол второго. А я все не унимаюсь, поднимаю Герману настроение:

– Автобус-то за границу идет, пассажиров пограничники

и таможенники не проверяют. Это все знают. Когда стемнеет, наша красавица уже д-а-алеко будет, не достать! Вот только как она вклады получать собралась, они ж именные?

– Да брось, Иоанн! Документы твои она перефотографировала, так что умельцы такие же документы за пару дней сделают. А старичка-инвалида вместо тебя подсунуть – на раз плюнуть. Вы все на одно лицо.

– Ну, тогда я тебе ничем помочь не могу. Могу только совет дать: Когда Анна, или как там ее, позвонит, что в банке перерыв не вовремя, езжай-ка ты в Берн, в банк Швейцарский кредит, и дежурь у входа. Может, и дождешься ее. Убивать нас тебе резону нет. Ты ни в чем не виноват.

Тут запел браслет на его руке. По тому, как перекосилась физиономия Германа, я увидел – сработало. Но парень был крепкий:

– Я все равно тебе не верю. Ты мог знать про банк.

Ну, не верит он правильно, только я ему не скажу. Планшет-то есть, и там даже номера счетов в Швейцарском кредит записаны. Только на счетах по сто евро осталось. А сам планшет и не в сейфе даже, а в булочной, в том самом ящике, из которого Анна уже взяла ключ от банковского сейфа. И сейчас она вспомнит, где видела планшет. И сразу позвонит этому гомику, но говорить будет из банка, и потому – шепотом...

– Ага. Я и про восход солнца каждый день знаю. Хочешь, предскажу, что дальше будет? В два сорок она позвонит, и

шепотом сообщит, что в моем сейфе нет компьютера, но она пока не вернется, потому что нужно хорошо поискать в моем домике и в булочной, чтобы найти записи. А шепотом потому, что она уже будет в автобусе, между туристами. На спор?

Герман метался по палубе катерка, то бледнея, то краснея, еще сорок минут. Потом его мобильник запел вновь. Он даже не закричал, а завизжал. Я попал прямо в десятку. Но все же промахнулся.

Герман пошел на меня, и в глазах его ясно читалась смерть. Он был готов убить меня, Стояна, Георгиоса, а потом, где-нибудь в Швейцарии, и Анну.

Но и я был готов на все. Я уже развязал веревку, сдерживающую коляску. Взявшись за ободья, я крутанул колеса изо всех сил, а потом обоими руками поднял конец пледа над головой. От моего рывка и от очередного наклона палубы, коляска, как пробка из шампанского, врезалась в Германа, сбивая его с ног, а я пледом накрыл его голову.

В результате мы втроем – я, коляска и Герман, врезались в стойку, к которой крепился у борта леер, сломали ее и полетели в воду. В последнее мгновение я успел схватиться за леер. Коляска и Герман утонули почти мгновенно. А я висел на леере, как сардина на леске, по колено в воде, и старался не думать о том, сколько метров воды подо мной, и на сколько у меня хватит сил... Как ни странно, это мне удавалось. Постепенно до меня стал доходить запах моря, шлепанье волн о борт катера, глухие удары катера о кораблик. Потом я по-

думал о том, что намочил брюки, и что ноги начинают мерзнуть. Только минут через двадцать я понял, что чувствую холод ногами. Я чувствовал ноги впервые за почти 12 лет!

Потом проплывавший мимо рыбак увидел меня, висящего на леере.

Вот и все приключения. Я уже почти хожу. Во всяком случае стою на ногах. И чувствую их. Георгиос почти полностью заменил меня в булочной, потому что я нашел себе другое занятие – пишу записки о путешествии по Тибету. Анны больше никто никогда не видел. Но если бы она знала, как я ей благодарен, наверно бы вернулась.

Лихорадка больше не повторялась. Не знаю, сколько мне осталось. Но, даже если полгода, я их хочу прожить. И совсем не думаю о том, как умру.

3 Пропало детство!

1 Новый учитель

Я стоял в дверях приемной. А тетка-то моя у директора была. Очередную порцию накачки получала. За меня, между прочим. За то, что я двум уродам морды набил. И чего наказывать? То, что я прав, а уроды первыми начали, пацаны на мобильник засняли, и всю драку на Ютуб выложили. Куча народу видело. И директор сам знает. Так что ничего сделать мне за эту драку нельзя. Да и так нельзя: сирота, ведущий музыкант школьного ансамбля, чуть-чуть не отличник... Ну, он это делает для порядка. Положено так. А тетя Варя весь день будет переживать, и вечером меня, сиротинушку, опять

жалеть будет. Дверь была открыта, и я стоял привалившись к косяку, потому что люблю глядеть на суету перед началом уроков.

Я был один в приемной, а секретарша, Ангелина, еще не пришла. Она всегда через пол часа после первого звонка приходит. И тут вижу – идет этот тип. Метра два ростом, худющий небритый, и с горбом. То, что он ненормальный, было сразу видно. И шел не так, и смотрел не так, и одет был не так. Все не так.

Я глядел, как он малышню с дороги своими ручищами разгребает, и подумал, что вот бы мне такие ручищи! А этот тип подошел, внимательно прочитал табличку, и вежливо так у меня спрашивает: "Скажи пожалуйста, директор может меня принять?" Ну ясно же – иностранец. И говорит как-то слишком правильно. Может, он меня за Ангелину принял, не знаю. Но я тут же ответил: "Конечно, может! Проходите, пожалуйста!"

Я подумал, что, если посторонний войдет, может, директор уже прекратит над тетей Варей издеваться. Ну, горбун раскрывает двери, и проходит. А закрыть их за собой не догадался. Так что я все слышу.

– Здравствуйте, – говорит этот тип, – Меня зовут Микаэл. Я буду работать у вас в качестве учителя, начиная с этого дня до конца учебного года.

У директора, который вот только что рычал на тетю Варю, голос стал таким, как будто он меда с маслом наелся и

отрыгивает.

– Ах, здравствуйте, Майкл! Очень рад, очень рад! Мне звонили из министерства. Это для нас большая честь, что именно нашу школу выбрали... Да вы присаживайтесь! А вы, Варвара Ашотовна, можете идти. Но вы запомните! Побольше внимания и строгости...

Тут тетя Варя вышла, и дверь в кабинет закрыла. Мне она дала по затылку, пообещала, что вечером разговор еще предстоит, и сказала, чтоб шел в класс.

Вообще-то школа у нас хорошая. Если не считать нескольких уродов, ну и преподавов, которые через одного тупят. Называется сложно, не сломав языка не выговорить, но, по-простому, – гимназия. Гуманитарный, стал-быть уклон. Два европейских языка, не считая русского и украинского, история, политэкономия, дизайн и эргономика. Все углубленно, с факультативами. Не говоря уже о всяких этиках, эстетиках и психологии межличностных отношений. Дурят, проще говоря, голову честным ученикам.

Уроки сдвоенные. Пары называются. Ну, и на четвертой паре входит в класс директор с этим горбатым типом.

–Здравствуйте, – говорит, – детки. Это ваш новый учитель. Будет преподавать музыку, и еще этику, пока Альберт Венцлавович болеет.

А тип говорит:

– Здравствуйте, дети! Меня зовут Микаэл.

Бусик (это так Витьку Барабашина называют) сразу бух-

нул: "Таривердиев?"

– Нет! -Отвечает тип.– Просто Микаэл. Можно без фамилии и без отчества. Я из, – тут он чего-то сказал, типа "шурумбурум-ландии", – и буду преподавать вам...-

и он опять стал говорить какие-то слова, смысла которых я совершенно не улавливал.

Я вообще-то в музыке не посторонний. Три года в музыкальной школе учился. Первую электрогитару смастырил еще во втором классе. Со школьным ансамблем, в котором я играю, мы кучу призов заработали. В музучилище меня вообще своим считают, после показательного концерта, который наша школа у них проводила. Но ни фига не понял. Только одно слово было знакомым – гармонизация. Та еще нудятина! Ну, пропало детство!

Тут директор вышел, а этот Микаэл распахивает свой фирмовый, но жутко мятый блейзер, достает оттуда мягкий кожаный футлярчик, и раскатывает на столе эдакий синтетический матрасик.

Я аж задохнулся. Это же Фузион три тысячи Эйч Ди! Самый крутой, самый навороченный музыкальный синтезатор! Я с прошлого года играю на 6 Эйч Ди. Целый оркестр под рукой! Легкий и простой в управлении. А это! Это как 10 оркестров, только еще проще управлять. Сенсорный полностью. И все на гибкой подложке. Ну, Микаэл достал из кармана два кругляша. Это, я так понимаю, динамики. Проводки соединил, и протянул к розетке. Она на учительском сто-

ле прямо сверху устроена. И тут он оглядел весь класс и спрашивает:

– Дети, кто знает, что это за инструмент, и как на нем играть?

У меня сердце в груди – бубух! Встал, подошел к столу.

– А можно попробовать? -спрашиваю.

– Так пробуй, – отвечает. – Мы все слушаем. – Только громкость ставь небольшую, чтоб другим учиться не мешать.

И я попробовал. Прошелся по тонам, попробовал все инструменты. У трехтысячника клавиш 88, как у 8 Эйч Ди, но самые верхние и самые нижние все равно можно только в большом зале использовать. А потом я вперился в глаза красавицы Виточки, и меня поперло. Такое обычно, когда аудитория большая. От нее заряжаешься. А тут сразу "вставило". Мы с ребятами из ансамбля с весны работали над такой программой, – электронное переложение русской классики. Чайковский, Римский-Корсаков, Глинка. Мегамикса, или попури. На компьютере все составилось правильно, а в звуке не получалось как хотели. То есть нас хвалили. Мы даже на городском конкурсе серебряную лиру отхватили. Но между собой понимали – все не то, не так. А тут я сразу почувствовал, как нужно. И понесся! Я видел, как все сливаются со звучанием. Как раскраснелась Виточка. Как отбивает ритм наш спортсмен Вован, мой лучший друг. Как этот Микаэл в такт кивает головой. Закончил композицию. Гляжу – все возбужденные такие сидят. Чуть на аплодисменты

не сорвались. Микаэл сбил. Поднял руки и сказал: "Все, все. Это было очень хорошо сыграно!" И сразу стало неинтересно. Отходняк начался. Сел я на свое место, и думаю: мне больше так в жизни не сыграть. А попросить записать хоть кого – не догадался. Так загорчило во рту!

А этот, Таривердиев недоделанный, достает из кармана еще одну штучку. Такая детская свистулька с клавишами. Триола называется. И спрашивает:

– А это что за инструмент, и кто на нем играть умеет?

Тут вскочил Бусик, клоун наш классный: "Я, – говорит, – умею. Дайте подудеть" Микаэл ему триолу протягивает, и Бусик, на полном серьезе, выводит "Чижик-пыжик". Класс сразу грохнул.

Умеет Бусик всех рассмешить. Хотя, если разобраться, – чего смешного?

Взял Микаэл эту дуделку, показал еще раз классу и сказал:

– Эти два музыкальных инструмента имеют совсем разные возможности. Один из них звучит, как большой оркестр, может своим звуком стекла выдавить. Может, как буря у великого поэта: "То как зверь она завоет, то заплачет, как дитя". В нем воплотились масса научных открытий и самые передовые технологии. А второй инструмент прост, почти как тростниковая дудочка у древних пастухов. Но музыка-то одна...

И тут подносит он эту триолу ко рту... И я впал в транс. Вот все эти рассказы про буддистов и нирвану. Я раньше ни

фига не верил. Теперь верю. Я там побывал. Мы все, весь класс там побывали. Потом музыка кончилась, и раздался звонок.

Все засобирались домой. Вообще-то у меня еще был факультатив по французскому языку, но я не остался. Наврал что-то учительнице, Розите, и пошел домой. Мне нужно было хорошо подумать. Я уже давно решил, что буду музыкантом. Запланировал: через год поступаю в муз училище, потом, может, институт, или сразу на сцену. А теперь я не знал. Я понял, что такое настоящая музыка, и понял, что ТАК играть не смогу никогда. А если не ТАК, то на фиг оно надо? Зарабатывать на жизнь можно по-всякому. Но не изображать из себя клоуна с "Чижиком-пыжиком", как Бусик.

Я уже поднимался к себе (мы с тетей Варей живем на четвертом этаже), когда зажужжал мобильник. Это звонил Вован.

– Слушай, Конь! Ты бы со мной в разведку пошел?

Конь – это я. Как-то так получилось, что меня, Николая, звали сначала Колян, а потом сократили до "Конь". Я и не возражаю. Конь – животное благородное. Не свин какой-нибудь.

– Пошел бы, -отвечаю, – если б ты голодным вечно не был. А так, – опасно. Съешь, и скажешь, что волной за борт смыло.

Старая шутка. Вован – легкоатлет, спортом занимается, много сил тратит, и вечно голодный.

– Слушай, Конь! -бубнит Вован, – тогда пойдем прямо сегодня! Я уже дома перехватил, и три бутерброда с собой взял. Дело на десять тысяч!

– Ладно! -говорю, – Если тетка какой-нибудь работой не загрузит, перекушу и минут через двадцать тебе перезвоню.

Тети Вари дома не было. На столе в кухне лежала записка: "Вызвали на вторую смену. Буду поздно. Поешь и делай уроки! У компьютера не засиживайся! И разговор о твоих приключениях еще предстоит!"

Все ясно. Тетя Варя преподает в техникуме. Там есть вечернее отделение, и ее зачастую срывают в свободный день на вечерние занятия. Возвращается тетка в полночь. Но зато я свободен. Я поставил разогреваться борщ, и позвонил Вовану.

–Ну что, спортсмен, какую тарелку мы нынче будем ловить?

Вован начитался в Интернете всякой космической чуши, и уже не первый раз затевает охоту за НЛО. Шутки-шутками, но летом ему и вправду удалось заснять какой-то светящийся шарик в воздухе. Впрочем, что это было – никто не разобрал. Бусик утверждал, что это он сам вылез на крышу, и подсвечивал оттуда фонариком, чтоб приколоться. Очень на него похоже.

– Слушай, Конь! Ты сам пошаруди мозгами! Не НЛО, а настоящий пришелец! Ты что, не врубился до сих пор? Не тупи! Как он нас сегодня всех загипнотизировал! Ты вспом-

ни, Конь!

– Сам ты тупишь, Вован, – ответил я со злостью. Ну, злился, понятно, на себя. На свою бесталанность.

– Это не гипноз был, а просто музыка. Только исполнял ее талант...

– Конь, ты и вправду тупишь – горячо зашептал Вован в трубку. – Ты что, раньше талантливых музыкантов не слышал? Ну вспомни, самых-самых! Пусть только в записи. Ладно! Скажи, сколько музыки у тебя на жестком диске? Терабайт уже есть? Ладно! Еще тупишь?

– погоди, Вован! – я ненадолго задумался. – Это все же записи из интернета. Халява. Знаешь, как они в качестве теряют? Ну, там обертоны...

– Конь, я тебя не узнаю. Этот пришелец тебе, видать, по мозгам особенно круто проехался. Помнишь, мы на день рождения к нашему олигарху ходили? (олигархом Вован называл Митю из параллельного класса. Сына крутого бизнесмена.) Вспомни, что у него было? Помнишь, аппаратуру навороченную? Помнишь диски лицензионные? Помнишь, кто аж пищал, просил поставить какого-то самого-самого гениального?

Я вспомнил. Было. У Мицика была очень качественная аппаратура. Великолепная акустика. И лицензионные диски Майкла Джексона, Рэя Чарльза, Chris Rea, Ванессы Мэй... Кого только не было! И я два часа балдел. Ага, кайфовал, балдел, получал удовольствие. Но – нирвана? Этого не бы-

ло. И те исполнители играли не на детской сопилочке. Значит, одно из двух: либо этот Микаэл действительно пришелец, либо совершенно гениальный музыкант.

– Але, Конь! Ты еще в Смольном? – надрывается Вован.

– Ладно, Вовчик! Я тебя внимательно... Какой план?

– Ну, порядок! Проснулся, наконец, музыкант! А план простой. Его поселили в семейном общежитии управленцев химкомбината. Я уже все узнал. Третий этаж, двадцать восьмой номер. Четные номера выходят окнами на Пионерский проезд. С другой стороны, там шестиэтажный жилой дом. С шестого этажа есть выход на чердак и крышу. Тики-так! Как стемнеет – будем брать.

– Что с собой нужно взять?

– Бинокль свой морской бери. Ладно? А я беру свой Никон с телеобъективом. И оденься потеплей. Прохладно на крыше вечером. Слушай, а ты не знаешь, у кого прибор ночного видения можно на пару дней попросить?

В 9 вечера мы уже устроились за невысоким парапетом на крыше шестиэтажного дома, и навели оптику на окна общежития.

Меня беспокоила одна мысль:

– Спортсмен, ты что, уже следил за кем-то в этом общежитии? Или просто за девочками подглядывал?

Вован не ответил, только засопел обиженно. Ладно, это не мое дело.

– Слушай, Вован, а как ты думаешь, на фигу пришельцам

все это? Ну, школа наша, учитель. Фигня какая-то. Я понимаю – в правительство, или в армию. Но в школу?

– А мне откуда знать? Может, из чисто научного интереса. Или, может, опыты на нас ставить будет. Ладно? Которые у них, как у сильно развитых, запрещены. Да не важно. Соберем доказательства, а там посмотрим. Ладно? Может, мы у него же напрямую и спросим.

На пару минут мы оба замолчали, обдумывая, что делать с доказательствами, если и вправду...

– Во, гляди, Конь! Пятое, нет шестое окно с левого края. Красная штора. Следующее справа окно. Только зажегся свет. Это его кухня. А еще правее – окно, тоже с красной шторой. Там свет еле пробивается. Это жилая комната. Он сейчас пойдет на кухню. Жрать готовить. – Вован обиженно засопел

.– Потом будет телевизор смотреть. Должны же пришельцы наши новости изучать? И мы по всякому его увидим. Ладно? Должны же пришельцы хоть когда свою маскировку снимать?

Я усмехнулся. И зря. Потому, что в этот момент на кухню вошел Микаэл. Он был одет как и днем, в школе, – в шикарный синий блейзер, будто жеваный коровой, тертые джинсы, и белую футболку с портретом Че Гевары. Выложил на стол пакеты, видимо с продуктами. Потом вышел. Включил свет в комнате, но разглядеть его за шторами было невозможно. И тут случай. Видно, воздух в комнате показался горбуну

несвежим. Он чуть отвернул штору, и раскрыл форточку. Но нам и чуть хватило. Вовчик забулькал, как старый водопровод. У меня тоже язык отнялся. Потому что мы увидели.

Микаэл аккуратно снял блейзер, повесил его на плечики, а плечики повесил в шкаф. И при этом повернулся к нам спиной.

Футболка на спине была грубо разрезана. Еще бы! Она никак не смогла бы удержать огромные белые крылья, трепетавшие за спиной ангела.

2 Музыка, трусость и гармония.

Ну да, я трус. Стыдно признаться, но себе-то зачем врать? Есть очень много вещей которые меня пугают. Раньше я боялся, когда вызывали к доске. Мне ребята говорили- я сначала сильно бледнел, а потом сильно краснел. Ну, как будто совсем не знаю, что отвечать. А я знал! Да, и это самое страшное – мой страх у меня на лице написан. С счастьем, уже года два, как у нас в гимназии полная демократия. Отвечать можно с места, даже не вставая.

Я боюсь заговаривать с незнакомыми людьми. Когда был в Москве, часа три мучался – не мог спросить, где ближайший туалет. Мне из-за своей трусости приходилось не раз драться.. Пацаны понаглее обращаются ко мне неожиданно, – я пугаюсь, а им нравится. Я боюсь драк. Но еще больше я боюсь, что про мою трусость все узнают. Так что в ответ на наглость тоже отвечаю нагло. Трясусь от страха, а грублю, и в драку лезу. Поэтому за мной уже утвердилась репутация

психа. Это вроде все знают, но в начале сентября в школу приходят новенькие, и их наши придурки подначивают "попугать труса". Так что в сентябре я каждый год с кем-то дерусь. Традиция такая.

С девчонками – вообще атас! Мы же все шаримся в интернете. И кто, скажите, при этом может не думать о сексе? Смотрю на девчонку, а мысли в голове – ужас! Разговаривать я с ними не могу, мысли из головы вылетают. В общем, я стараюсь от них подальше держаться.

А этой осенью красавица Виточка обратила на меня внимание. Вообще-то она Виктория Зорева. Красиво, правда? Но имя "Виточка" за ней напрочь закрепилось еще с первого класса. Вот с первого класса так было – если в школе ставили какую-то сказку, то Виточка – всегда принцессой была. Дело не только во внешности, хотя она и вправду красавица. Виточка, хоть и блондинка, но душой не была никогда. И она умела у любого так попросить, что никогда и ни в чем отказа не знала... Зато сама она очень хорошо знала, что ей нужно. Очень любила быть первой, и самой-самой. И хотя, вроде, не задавалась, но ее все равно ребята и девчонки осуждали.

Ну, когда мы собрались тридцать первого августа, Виточка вдруг заметила меня. До этого никогда не замечала. А тут попросила помочь ей в учительской – цветы, которые учителям притащили, по вазам расставить. Да, я забыл сказать: Виточка – дочка нашей физички, Алевтины Павловны. Помощников Виточка всегда выбирала тщательно. Помощник

становился поклонником, другом и рабом (это так про нее и ее помощников болтали). Взамен она разрешала себя тихо обожать (тоже из сплетен). За ней всегда бегали пять-шесть ребят, и работать их она заставляла по полной. Об этих ее помощниках часто толковали, и видно было: ребята им все завидуют, но обзывают рабами, вроде как презируют.

Это я объясняю так подробно, потому что, когда Виточка меня позвала, я, как обычно, испугался: лестно, конечно, но как с ней разговаривать? И о чем? А если дело дальше пойдет, что, – на меня как на раба смотреть все будут?

Но оказалось, что с ней разговаривать легко и просто. О музыке, о ребятах из ансамбля. Она расспрашивала, откуда музыку берем, кто самый главный, кто решает, что мы будем играть, ну и все такое. Потом я провожал ее домой, и мы говорили о компах. Она, оказывается, в этом шарила не хуже меня. И уже у ее подъезда, прощаясь, поцеловала меня в щеку. Когда пришел домой (как дошел – не помню) теть Варя спросила: "Ты что, под автобус попал?" Я буркнул: "Вроде того" и сразу пошел в свою комнату. И сочинил я в ту ночь песню. Для Виточки. Ну, без слов, конечно. Одну мелодию. Я ее наиграл, потом всю оркестровку из сэмплов собрал, только нотами не записал, потому что с нотами до сих пор – не очень. Ребята из ансамбля потом мелодию хвалили, но слов никто не придумал, так что она у нас тогда осталась в резерве. Так вот. Виточка еще пару раз меня просила в чем-то помочь, а потом стала приходиться со мной на наши репе-

тиции. Я часто ее провожал потом, и мы стали целоваться в ее подъезде. Не знаю, что про меня говорили, но чувствовал себя очень счастливым. Как полная река.

Ну да, это тоже нужно разъяснить. Я же трус. Но когда музыка – я не трус. Я еще в школу не ходил, когда впервые это понял. У нас дома стояло пианино. Старинная такая штука, очень красивая, вся в резьбе, с бронзовыми вставками, и даже двумя бронзовыми подсвечниками. Не знаю, не помню, играли ли на нем мама или папа. Потом они погибли. И я стал трусом. В квартире поселилась тетя Варя, она и стала мне мамой. А потом, однажды зашла соседка. Старая. Я забыл, как ее зовут. Вот она и стала играть. И пока она играла, я не был трусом. Я был ручейком. Ручейку нечего бояться. Потом тетя Варя рассказала, как я, после ухода соседки, устроил истерику. В первый и последний раз. Кричал, что хочу, чтобы эта тетя была моей мамой, что мне ничего не нужно, только чтобы она играла, и что я все равно к ней убегу. Так эта соседка стала бывать у нас в квартире каждый день. Она играла, и меня помаленьку играть учила. Причем не гаммы, или "Во поле березка стояла", а сразу Моцарта. Первая вещь, которую я сыграл, был Турецкий марш. Я и сейчас его с удовольствием играю. Потом я три года учился в музыкальной школе – по 3-4 часа после уроков, каждый день. По классу пианино. Потом школу, которая возле нашего дома, сделали платной, а ездить через весь город в бесплатную тетя Варя мне не разрешила. Поэтому до всего в музыке доходил сам.

Играть-играл, но музыкальная грамотность хромала. Когда я стал играть в ансамбле, то стал уже не ручейком, а речкой, а на первом же выступлении перед публикой, я почувствовал большую, полноводную реку. Вот река по настоящему ничего и никого не боится! Я был этой рекой – вместе с ансамблем, с музыкой и с залом, который нас слушал. И с Виточкой я тоже был рекой. Такое ощущение – сила и покой.

Потом, в конце сентября, появился этот Микаэл. А на следующий день, то есть, вечер, мы с Вованом вляпались.

Как же я испугался! Вы не представляете! Во первых, я неверующий. Мои родители были коммунисты. Ну дело прошлое. Я их почти не помню. А тетя Варя и сейчас в какой-то красной ячейке состоит. Она меня воспитала. И я всех этих богов и дьяволов считал суеверием. Или сказкой, как Кощей и Деда Мороза. А тут ангел! Своими глазами... Выходит и про Бога, и про дьявола – правда? А я в церковь не разу не ходил! Пропало детство! И потом, он же не хотел себя раскрывать, а мы с Вованом подглядели. Это ж какой грех! А узнает ангел – хана нам! Мы тогда разбежались, слова друг-другу не сказав. И на следующий день старались ни этому ангелу, ни друг-другу на глаза не попадаться. Вовка, конечно, похрабрее меня, но, думаю, и он боялся. А вечером Вован позвонил. Буркнул: "Поговорить нужно! Наверху. Придешь сейчас?" Я ответил, что приду. А что? Что-то делать надо?

У нас с Вованом такое место для тихих встреч – на чердаке его дома. Там раньше была комната то ли монтера, то

ли лифтера. Она уже давно пустовала. Вовка где-то ключ достал. Но в нее и со стороны окошка можно было войти, прямо с крыши. Окошко маленькое, взрослому мужику не залезть. А нам – в самый раз. Мы еще гвоздь в раму вставили, – кто не знает, ни за что не откроет. Ну, поднялись мы в эту комнату, окошко раскрыли. Вовка и говорит:

– Ты понял, что мы увидели?

Я молчу. А что говорить-то? Видели одно и то же.

– Нет, – говорит Вован. – Ты не понял. И я не понял. Видели мы мужика с крыльями. Ладно? А что это означает?

– Ну, означает, что он ангел, а мы в полной жопе.

– Придурок, – говорит Вован. – Ни хрена это не означает. Во-первых, это вообще глюк мог быть. Мы волновались? Волновались! Ждали чего необычного? Ждали! Ладно? Вот и привиделось!

– Что, обоим сразу?

– Спокойно, Конь! Могло и сразу. Но это версия нуmero уно.

Вовка как раз какой-то итальянский детективный сериал смотрит, и щеголяет итальянскими словечками.

– Я успел фотиком щелкнуть, но дернулся. Так что самого этого Микки-мауса не видно, но видно отражение в зеркале, причем там блик, да еще окном искажено. В общем, так не разобрать. Но есть у меня один кодер знакомый. Он обещал такую хитрую программку – анализ цифровых изображений. Так что завтра сможем подтвердить или опроверг-

нуть эту версию. Только версия два – основная, остается.

– Какая основная?

– О! Склероз! Мы зачем туда вообще полезли? Чтобы проверить, не пришелец ли наш музрук.

– И чего?

– Ой, Конь! Что ты тужишь? Что, пришельцев с крыльями не бывает?

Мне как-то стало легче на душе. Ну, конечно, если это пришелец – тогда другое дело. И снова страх.

– А если не пришелец?

– Третья версия, – зажимает Вовка пальцы на руке, – просто мутант. Обычный человек. Только с крыльями, ну, и с особым музыкальным талантом. Может же быть у мутанта музыкальный талант?

– У тебя и четвертая версия найдется?

– Найдется, не сомневайся! – Вовка даже руками замахал. – Иностранец, ладно? Учитель, мыслит оригинально. Мужик талантливый и умный. А если он догадался, что мы за ним подглядывать будем? И решил нас разыграть? В его, иностранном, стиле?

– И для этого заранее притащил из-за границы крылья?

– А чего? – Вовка оскалился. – Он, может заранее готовился встретиться с таким опасным зверем, как украинский школьник.

Страх у меня совсем прошел. Умеет Вован успокоить! И я улыбнулся: "Если кино верить, так у них там школьники –

звери поопасней. Ладно, какие еще версии?"

– Пятая версия тебе не понравится. Пятая – он и вправду ангел. Но это же только один к пяти? Хороший расклад, ладно?

Ну, мы поболтали еще немножко, и договорились, что на глаза Микаэлу лезть не стоит, но и прятаться особо не нужно. Будем пока считать его мутантом.

– А там видно будет! – Многозначительно завершил Вовка.

А потом нас продали. Что, не знаете, как продают школьников? Это добрая традиция еще с советских времен.

Вот, скажем, Вы директор школы. И все у вас хорошо, но Вы еще хотите чего-то выбить у министерства образования, или у местных властей. А для этого нужно Вам резко повысить какой-то показатель. Например, министерство распределяет фонды по компьютерам. И больше достанется той школе, которая побеждает в школьных олимпиадах по математике. Вы покупаете на недельку талантливого ученика в другой школе. Его, чисто формально, переводят в Вашу школу. Он выигрывает на какой-то олимпиаде, и – пожалуйста! – Вам увеличили фонды. За это придется что-то отдавать. А еще бывает, что Вас заставят продать учеников по звонку из ОблОНО. А за это при очередной проверке Вам простят какие-то грешки.

Наш ансамбль продали полным составом какой-то Киевской школе для участия в смотре-конкурсе. Все было согла-

совано и шло по накатанным рельсам. В понедельник с утра директор собрал нас в малом зале. И толкнул речь на полчасика, накачивая нас насчет того, какая важная миссия нам поручается. Потом пять минут говорил по делу. Все вопросы уже решены. Конкурс проводится в три этапа: отборочный, полуфинал и финал. Участвует около сорока школ, и наша задача - выйти в финал. На отборочном этапе нужно сыграть что-то национально-патриотическое. С нашим уровнем этого достаточно, чтобы пройти в полуфинал. А вот там нужно что-то очень сильное. Что будем играть в финале – уже не важно. Мы согласовали программу и стали репетировать. А уже вечером выехали в Киев.

В общем, все как обычно: принимающая школа выделила нам две классные комнаты, для девочек и мальчиков. Поставили там раскладушки. Завтракали и ужинали мы в школьной столовой. А обед нам привозили в спорткомплекс, где проводился этот конкурс. Лидия Семеновна, наш второй музрук, была с нами за старшую, за порядком следила. Мы сыграли "Каштаны цвितуть", потом – "Светлые косички" и вышли в финал. Как раз, когда это объявили, Лидия Семеновна подходит ко мне, и говорит: "Самохин, тут на синтезаторе диск лежал, с музыкой. Это ты сочинил?" "Ну да, отвечаю, мой тужля" Это была та мелодия для песни, что я для Виточки написал, когда она меня поцеловала. "Ну и чудесно! – Говорит Лидия Семеновна – Я тут встретила парня, с которым в институте училась. Он играет в серьезной взрос-

лой группе. Их и по телевизору показывают. Так я дала ему послушать. Ты ж не возражаешь?"

Я еще не понял, как попал, и настроение после удачного выступления было отличным. Я сказал "Да на здоровье!"

И вот, в четверг, после обеда, прямо перед финальным выступлением, Лидия Семеновна подбегает, и быстро так тараторит: "Коленька, моему другу, ну тому музыканту, о котором я говорила, твоя мелодия подходит. Он ее купил за сто долларов. Вот, возьми!" И засовывает деньги мне в карман. Потом мы вышли играть, а я, когда играю, ни о чем думать не могу. И только когда отыграли, и стали инструменты собирать, до меня дошло: она продала то, что я для Виточки написал! Я хотел возражать, уговорить Лидию Семеновну, что я не хочу ничего продавать, и нельзя. И пусть вернет деньги... Но была страшная суета. Нас собирали, заталкивали в автобус инструменты и реквизит. И все время вокруг были ребята, а я не мог решиться заговорить, начать скандалить, выставить себя придурком...

Мы вернулись утром в пятницу. Так что в школе не были неделю. Даже не знаю завоевали чего или нет. Прошли в финал, отыграли в финале и уехали. В школу в пятницу мы не должны были идти.

Но я хотел встретить Вована после уроков, поговорить, как я попал с этой мелодией. То есть, получается, продал свои чувства к Вике за сто долларов. Они мне карман жгли. И выбросить не мог: а вдруг еще не поздно отдать?

За школой у нас такой тихий скверик. Десяток деревьев, клумба и постамент от какого-то гипсового Ленина, или пионера. Там только пол ноги осталось. Ну и горы всякого мусора. Слева свалка, справа большое автопредприятие. Так что в скверике днем никого, только иногда пацаны из школы на переменке забегают покурить. Сюда-то я и зашел, посидеть в тишине, пока Вовка не выйдет из школы. Одно из деревьев еще в прошлом году упало рядом с постаментом. На его ствол я и присел. Слышу – разговор. Зашли двое в этот скверик. Им-то меня не видно, за постаментом. Я хотел выйти, неудобно как-то подслушивать, но и высказывать, как чертик из коробки, неудобно. И тут разобрал голос красавицы Виточки. Она о чем-то второго человека просила, и я расслышал: "Ну я для тебя за это что хочешь сделаю!" Выглянул – а они целуются. Я обратно на ствол и упал. Как мешком по голове! Вот так. Я продал, меня предали. Нет, ну я понимал что мне Виточка ничего не должна. Но все равно... Реки не стало. Высохла.

Пока я сидел как придурок, Виточка с тем парнем (даже не разглядел, кто это) ушли. И я, как инвалид на костылях, заковылял прочь. А в голове только одно: на что я рассчитывал? Кому такой трус и неудачник нужен? Где-то там у тети Вари было очень сильное снотворное. Если его много принять... И тут меня кто-то окликнул: "Самохин! Николай! Погоди!" Оборачиваюсь – Микаэл. Мутант вьедливый! Догнал меня, посмотрел так внимательно, и говорит: "Пошли,

обсудим твои проблемы" И я поплелся за ним. Мне как-то все равно было, куда идти.

Микаэл привел меня к себе в общежитие, посадил на кухне, приготовил чай, налил себе и мне, и сказал: "Расскажи-вай!" Я и рассказал. А чего, в самом деле? И про трусость, и про красавицу Викочку, и про проданную музыку, и про то, что мы за ним подсмотрели. Только не сказал, что со мной Вован был. И единственное, чего я боялся, пока рассказывал, это что он меня, неудачника, жалеть начнет, как тетя Варя. Но он жалеть не стал. Достал из кармана свой Фузион три тысячи, проводки соединил, и говорит:

– Играй!

– Чего играть?" – тупо спрашиваю.

– Мелодию свою играй, конечно.

Я сыграл. И тут он спрашивает: "Ну, и как?" Я не врубился:

– Чего – ну и как?

– Мелодия, -улыбается он. – Мелодия хуже стала?

– Нет, конечно! Как мелодия может хуже стать?

– Именно! Ты сочинил мелодию. И в мире стало на капельку больше гармонии. Вот я и спрашиваю: Как мелодия может хуже стать оттого, что ты ее продал?

Ну понятно, – капиталист. Я ему о душе, а он про деньги. Это, выходит, не я туплю, это он тупит. Хотя, – стоп! Он же не капиталист. Он ангел. Или не ангел? И кто тогда тупит? И я спросил прямо: "Микаэл, Вы – ангел?"

Микаэл замялся, поплямкал губами:

– Николай, вот если бы тебя тупой американец из середины прошлого века спросил: "Ты русский казак?" Учти, что для него все, кто живет на территории СССР – русские, и все русские – казаки. Как бы ты ему ответил? Только правду!

Во как повернул. Мне только один ответ в голову пришел: "Fuck You!" Но ему я сказал:

– На такой вопрос нельзя ответить. Тут три часа разъяснять нужно – и про национальности, и про Союз, и про казаков. Это Вы что, намекаете, что я, как тот тупой американец, ничего в ангелах не понимаю?

– Ты не как тупой американец, а как продвинутый украинский школьник, ничего в ангелах не понимаешь.

– Так Вы объясните! Я очень постараюсь понять!

Мне стало очень любопытно. Баранья тупость и заторможенность куда-то улетучилась. Вот сейчас он мне все тайны откроет: и про Бога, про грехи и про душу, и про Рай и Ад. И это не ла-ла будет, а все конкретно. Но он мне весь кайф обломал:

– Не могу объяснить. Вот ты среди прочих версий говорил про иностранца, инопланетянина, мутанта или ангела. Так это всё, считай очень близко к истине. Близко, но не точно. И это очень трудно разъяснить. И даже не просто трудно, а совсем нельзя. Ты только просто поверь, что все в книгах, которые ты читал немножечко так, и немножечко не так. Вот как "русский казак" в прошлом веке.

Как я расстроился, передать не могу. Ничего я не знаю. И не узнаю. Опять ничего не вышло! Одно слово – неудачник! Сразу все вспомнилось: и трусость моя проклятая, и с Виточкой полный облом. И как теперь жить?

А Микаэл чайку отхлебнул, и добавил: "Да, разъяснить не могу. Но кое-что сыграть тебе могу. Ты знаешь, что такое черная дыра?"

Ну читал я кое-что в Интернете. Там не совсем понятно было, но это место, куда материю втягивает, и она там вроде пропадает. И еще что-то про микродыры и одиннадцать измерений. Микаэлу я сказал: "Очень приблизительно"

– Достаточно, – говорит Микаэл, – и достает из кармана свою триолу. – А теперь представь, что в самом центре нашей галактики, где не протолкнуться между звездных скоплений и космической пыли, огромная воронка, куда втягивается все-все. И пыль, и камни, и планеты, и звезды, и даже время.

Потом он заиграл. Я все так и увидел. Галактику, Черную дыру в ее центре, и то, как в этом месте, что-то становится НИЧЕМ. И как это что-то в свой последний миг понимает, что с ним происходит. А последний миг длиться и длиться... вечно.

Я понял, что все мои обломы – это так, мелочь, пшик. Потому что вот это – АД. И именно туда очень запросто можно попасть. Такая тоска меня придавила! И я спросил:

– Микаэл, а за какие грехи... – туда?

– Нет, Николай, – отвечает. Не туда, или точнее не только туда. Ты ведь и про черные микродыры читал? И не за грехи. Все намного сложнее. Понимаешь, каждый человек – личность. А каждая личность – очень многогранная. И грани, это все частички личности, они в движении и в особой гармонии. В гармонии с собой и в гармонии с окружающим миром. Ну вот как человеческий организм. Скелет, жилы и сухожилия, мышцы, головной мозг, спинной мозг, нервы. Пока все связано и работает в гармонии – живет. Нарушилась гармония – и головной мозг неправильно анализирует сигналы от органов чувств, спинной мозг не подает сигналы к движению, в кровь не поступает кислород, пищевод не выделяет нужных организму веществ. Человек умрет. Вот и личность. Если совсем-совсем разрушить гармонию, то личность рассыплется, и ее утянет...

– Микаэл, то есть грехи – не при чем? Ну а как же убийцы? Вот у нас в Днепровске два брата были. Бандюки. На дорогах фуры грабили, а водителей убивали. О них фильм еще сняли. Так они очень даже в гармонии были. И с собой, и с ментами. Их это не касается? Их никуда не утянуло?

– А как дальше было с ними, ты не помнишь?

– Помню, их взорвали. То ли подельники, то ли конкуренты.

– То есть не со всеми они были в гармонии? А, кроме того, с чего ты взял, что они были с собой в гармонии? Ведь мама с папой в детстве, и потом, в школе, им говорили, что грабить

и убивать нехорошо? Они могли забыть или задавить в себе это знание. Но это и есть – дисгармония. И потом, видишь ли, Николай, я тебе показал только маленькую часть общей картины. А сейчас будет другая часть.

Он опять заиграл. И я услышал, и, кажется, начал понимать. Вот человек. Он разный, немножко гармоничный, немножко нет. Но он целый. И весь сверкает, как новогодняя елка. Он живет, все меняется, он тоже. Частички меняются, какие-то огоньки гаснут, какие-то – загораются. Тех, которые гаснут, больше. Но он все еще целый, и светится хотя намного меньше. А потом он гаснет. Умирает. И какая-то большая, мутная, темная часть от него отваливается, рассыпается, и ее втягивает в НИЧТО. А другая часть начинает сначала. Ей очень тяжело, потому что это маленькая часть, в ней мало света, и ей нужно много развиваться. А мир вокруг такой неудобный, темный, и не хочет помочь маленькой недоразвитой личности... А потом у этой частички загорелся очень яркий огонек. И зазвучала та, моя мелодия. И тут я понял. Это же он про меня играет!

3 Шкатулочка

–Раз-два-три-четыре! Раз-два-три-четыре! – Мы бежим по городу цепочкой. Мы – это весь наш ансамбль.

Декабрь, промозглая сырость. С неба сеется какая-то морось, помельче дождя, но помокрее тумана. А мы бежим, хватая носом холодный мокрый воздух. И кто бы, Вы думали, над нами так издевается? Конечно, Микаэл, ангелок

наш злобный. Именно ему поручил директор "подтянуть" наш ансамбль до республиканского уровня. Ну, и пропало детство! Два часа он нас гоняет, как сидоровых коз. Кросс на улице в любую погоду, потом растяжки и даже какое-то индийское ушу-укушу. Потом йога и медитация. И только потом наступает черед музыки. Пол часа гаммы, потом собственно работа над песнями. Правда, каким-то непонятным образом за два с небольшим месяца слаженность в ансамбле заметно повысилась. Мы уже не спорим и не ругаемся, когда репетируем. Как то стало ясно, как нужно играть и петь.

Да, пора рассказать про ансамбль. А то непонятно будет. Четыре года назад (я только перешел в третий класс), к нам в гимназию прислали немолодого музрука. Звали его Владимир Вадимович. Он работал в столице, что-то не то сделал, или кому-то нагрубил, и его убрали подальше на годик, пока шум утихнет. Ну, мужик оказался инициативный, создал в младших классах хор, танцевальный ансамбль и музыкальную группу. Я еще учился в музыкальной школе, так меня в эту группу на клавишные записали. Потом Владимир Вадимович вернулся в Киев, а то, что он у нас сделал, стало потихоньку распадаться. Из остатков танцевального ансамбля, хора и нашей группы и составили ансамбль. Вначале ставили разные школьные вальсы: музыка, песня, танец. Потом стали делать вещи посложнее. Названий у нас было – сто штук. Последнее – "Хмарынка" – это тучка по украински. В ансамбле две танцевальные пары, четыре вокалиста и четыре му-

зыканта: две гитары, синтезатор и кларнет. Баса и ударника нет, я за них: подбираю ритм на синтезаторе, ну и сэмплы вставляю. Это не очень хорошо для звучания, но нам пока денег на ударную установку не выделили. Кроме того, есть свой художник по свету. Он самый старший, сейчас уже в девятом классе, и фанат всякой прикладной электроники.

Так что репертуар мы сами подбираем. Находим песню, чтобы все были задействованы – и музыканты, и певцы. Репетируем, потом музрук приглашает своего знакомого, – балетмейстера-пенсионера. Тот ставит танец. Потом репетируем уже со световыми эффектами. К прошедшей весне у нас был уже десяток отличных музыкальных постановок. А за постановку "Желтые косички" на музыку Криса Ри мы дважды получали первые места на областных конкурсах.

Ну вот, Микаэл в музыкальные дела как бы и не вмешивается. Вроде спортивный тренер. Вот только он добавляет еще одно издевательство – гаммы. Лично я терпеть их не могу. Ни мажора, ни минора, ни всех этих греческих ладов. Ну разве что блюзовые. Потому что это уже почти музыка. Только Микаэл вроде как игру придумал. Один играет, остальные слушают, и говорят, какие недостатки. Тоже мне, критики. Так еще и певцы поют, а мы критикуем. Причем, это издевательство с кроссом, йогой и гаммами три раза в неделю по три с половиной часа. А от уроков никто не освобождает! И когда, спрашивается, делать домашнее задание и отдыхать?

А еще Вован достает. Когда мы в октябре вернулись из Ки-

ева, и у меня та катастрофа на личном фронте случилась, так его рядом не было. Мне только Микаэл мозги чуть-чуть прочистил. А на следующий вечер встретились мы с Вовчиком на чердаке, в схоронке. И он заявляет:

– Версия про глюки отпала. Проверили мы фотографию той хитрой программкой. Крылья у нашего подозреваемого наличествуют. Вот только натуральные ли они?

Ну, тут я Вовану про вчерашний день рассказал, про то, что музрук про нашу слежку знает, ну и про беседу.

– Так что, – говорю, – он мне почти сознался, что он ангел, только наоборот. В смысле не ангел.

Вовчик меня еще порасспрашивал, чтоб разобраться с этим ангел-не ангел, и говорит:

– Итак, подозреваемый сознался, только пользы от его признаний – ноль. Ты, Конь, не тупи, ладно? Что мы теперь знаем? А ничего! Он тебе свои крылья показывал? Нет! Так что даже версию с розыгрышем нельзя отбросить. Я уж не говорю про инопланетянина и мутанта. А с ангелом – еще хуже. Я тут почитал на досуге. Если во всех этих религиозных книгах хоть капля правды есть, ладно, то ангел – посланник Бога. И ангелов этих разных не счесть. Есть, между прочим, ангел смерти, и ангел-хранитель. Но и всяких других полно. И добрых, и злых. То, что он с тобой по-человечески разговаривал, – еще ничего не значит. Может же злой ангел по-доброму разговаривать? А он еще и говорит, что в книгах все не так! Нет, уж лучше бы он был простым инопланетянином!

– Да какая разница, – говорю. – Инопланетянин, ангел, или мутант? Главное, чтобы человек был хороший.

– Не скажи, друг! Это тебе без разницы. А земная наука нам не простит, если мы были в шаге от открытия, но так этот шаг и не сделали. Ты же теперь у него в любимчиках, ладно? Давай заберемся в его комнатку и проверим. Не может быть, чтобы ни единого перышка не вылетело. Найдем перо – определим чье оно. Сразу две версии отработаем – розыгрыш и инопланетянин.

Конечно, я категорически отказался лезть в такую авантюру. Вовчик на меня обиделся, даже не разговаривал пару дней. Короче, с того времени стал Вован смотреть на меня так, как, знаете, собака смотрит, когда попросить хочет, а слов нет. Я чувствую себя предателем. Нет, вначале, я и к Микаэлу чувствовал ну вроде как доверие, и предавать такое доверие не мог. И мне казалось, что у нас особые отношения установились. Что я смогу у него его чудесной музыке научиться. Но Микаэл меня в упор не видел. Ну, то есть относился, как ко всем. И когда стал заниматься с ансамблем – так даже грузил больше других этими нудными гаммами и ладами.

Потом, еще эти его исторические откровения. Значит, стали заниматься йогой. Садимся в позу лотоса. Борис Лапин, по кличке Лапа, наш кларнетист, (он из параллельного класса, но такой же клоун, как Бусик) вдруг говорит:

– Микаэл, -говорит, – ну это же не наши методы. Где та

Индия, и где мы? Они тысячу лет на полу сидят, у них и, это самое, мягкое место лучше приспособлено. А мы европейцы. Мы привыкли на стульях, или там на лавках сидеть. И вообще вся эта йога и фруктоедение – для стран с теплым климатом, где руку протянул, банан с пальмы сорвал – и сыт. А в наших широтах нужно мясо есть и охотой заниматься, чтобы выжить. Верно? (Это он по телевизору какую-то передачу познавательную посмотрел, ну и хотел повыделываться)

– Не верно, – отвечает Микаэл. – Физиологически основная масса индийского населения от европейцев не отличается. Кроме того, йогу придумали задолго до индийцев. Нынешней цивилизации предшествовала цивилизация АрЕев, или, как сейчас пишут, Ариев. Современные люди и их древние предки – кроманьонцы – это одна из ветвей предшествующего человечества. Те люди появились в конце плейстоценовой эпохи, более 100 тысяч лет назад. Ледниковый период еще не закончился, но периодически наступали теплые времена, и ледники отступали на сотни, а, иногда, и на тысячи лет. И Ареи произошли от смешения еще более древнего типа людей – неандертальцев и уже существовавших древнейших кроманьонцев. Их цивилизация включала несколько рас, отличавшихся и строением черепа, и цветом кожи. Западные Ареи известны всем вам, как Атланты, создатели легендарной Атлантиды. Южные Ареи были темнокожи. Они глубоко понимали природу. Мельчайшие крохи их знаний через десятки тысяч лет достались египетским жрецам, и эти

крохи сделали Египет величайшей страной своего времени. Йогу практиковали и южные, и западные, и северные Ареи еще 40 тысяч лет назад. И смысл йоги не в том, как ты сидишь, это просто самая правильная поза для гармоничного дыхания. Смысл йоги – в познании себя и мира. И вот Ории – северная раса АрЕев, (это были охотники, купцы, мореплаватели и путешественники) и принесли в Индию йогу. А известная всем вам Баба Яга – всего лишь учительница (а по тогдашнему – жрица) йоги. Так-то, господа европейцы!

Тут мы все рассмеялись.

– А почему же от них ничего не осталось? – спрашивает Лапа. – Ни городов, ни развалин, как от древнего Рима, ни пирамид? Даже унитаза какого-нибудь.

– Они, – отвечает Микаэл, – не любили высоких зданий, а любили природу, и дома строили из специально высушенного, необожженного кирпича. Для защиты от дождя крышу сколачивали из досок. И все остальное делали из природных материалов – ни стекла, ни пластмассы, ни керамики, – так, чтобы те разлагались без остатка. Металлы они терпеть не могли. Считали, что металл портит человека, калечит его личность. Пирамид и храмов не строили, каменных домов не любили. Зато они умели выращивать растения, которые обеспечивали все их нужды. И даже унитазы из кактусов. (Тут мы опять грохнули). Вот следов и не осталось. Кроме того, потом были большие геологические катастрофы. Менялся климат, прибрежные города ушли под воду, остальные

разрушились. Да и времени прошло многовато.

Потом я рассказал Вовке это все.

– Понимаешь, это же знания, которых ни у кого нет. Точняк он ангел, и живет уже больше сорока тысяч лет. Иначе откуда он это все знает?

Вечером Вовка позвонил мне, и говорит: "Сейчас буду диктовать. Это адреса в интернете. Ты запишешь, потом посмотришь все, а потом поговорим".

Ну, я записал десяток адресов, потом стал читать. Ну и дела! Все, что Микаэл рассказал – есть в Интернете. Кое-что как гипотезы, кое-что – со ссылками на всяких ученых. Многое – на английском, так что я с трудом только несколько строк понял. Так он, значит, мог это все из интернета накопать? Вот тебе и ангел! Звоню Вовчику.

– Ну, и как теперь о нем думать?

– Каком кверху! Думаем, как раньше. Мы по-прежнему ничего не знаем. Но ты прислушивайся! Вдруг он хоть в чем-то проговорится! Может же пришелец проговориться? Или все-таки слазим к нему в блок? Поищем вещдоки.

– Да ну тебя! Сказал же – я, как вор, в чужое жилище не полезу!

– Даже ради науки?

– Даже ради чего угодно!

В самом конце ноября в эфир вышла моя песня. То есть какая моя? Моего в ней ничего не осталось. Мне позвонил Лапа. Он всюду нос сует, и всегда все знает.

– Конь, сейчас по каналу ТВДнипро крутили песню. Ну, на ту мелодию, что ты сочинил. Помнишь, мы играли? Крутая песня, правда! Это была программа "Чиннык впливу" ("Фактор влияния"). Ее вечером, после десяти, будут повторять. Забыл, как группа называется.

Я вечером посмотрел. Группа называлась вполне дебильно: "Аж тридцять тры", а мелодия... Ну что сказать, они действительно сделали хорошую песню. Точнее полный клип. Называлась она "Комора закоханих" (кладовка влюбленных).

А смысла было немного, что-то насчет чувств, которые хранятся в кладовке. Мелодию разбили на два голоса, добавили ритма. Ударник у них – высший класс! Ну, и двое влюбленных там постоянно соединяются и сливаются. То в полосе приборя (разом з тобою), то в других общественных местах. И это все на видео. Если б тетя Варя увидела, сказала б: "Срамота!"

Потом песню крутили на нескольких украинских каналах, она попала в какие-то топы, и даже на MTV. Где-то через неделю после первого показа на телевидении, меня поймала Лидия Семеновна.

– Самохин! Нет, ну ты слышал эту "комору"? Как я удачно твою мелодию пристроила?!

– Это уже не моя мелодия, – отвечаю. – Раз Вы ее пристроили – она уже этих, Аж тридцать третьих.

– Да какая разница? – говорит Лидия Семеновна. – Глав-

ное, ты оплату получил? Получил! Песня популярная? Популярная! Так что все отлично! Я вот что хотела. Мне звонил этот мой друг, из группы. Просил передать, что ты молодец. И еще, – вот его телефон. Просил позвонить, если ты еще какую мелодию сочинишь.

И она (как тогда!) засунула мне бумажку в карман. Я решил, что если что и придумаю, то лучше вообще выброшу, чем этому собирателю отдам.

А потом, в пятницу вечером, после тренировки-репетиции, меня возле дома встретила Виточка.

Да, я, как всегда, струсил, и после того случая, кода подглядел за ней и ее новым парнем, от Викочки прятался. Ну, то есть на переменках забегал в туалет, или держался в группе ребят. Самому стыдно. А что я должен был делать? Сказать: "Я за тобой подглядывал, ты с другим парнем целовалась"? Ну надоел я ей – ее дело. Что, она мне обет верности давала? И вообще, кому это нужно – выяснять, кто кому чего должен...

Так что я от Викочки держался подальше. Ну, она вроде и сама встреч со мной особо не искала. До этого дня.

– Здравствуй, Коленька, – говорит. – Давай поговорим. А то, между нами что-то непонятное творится.

– Виделись уже, -говорю. В школе. И ничего не творится. Просто так получается. Дел много. Вот тренировки музрук все время устраивает. Времени даже домашку делать совсем нет.

Понятно, что опять струсил. Не могу все честно сказать. То ли ее обидеть боюсь, то ли себя придурком показать.

– Да ладно! Вы мальчишки, все такие трусы! – (У меня даже от сердца отлегло: не я один, значит, трус). – Но ты ведь все равно без попытки не признаешься. Я, собственно, что сказать хотела: у меня предки скоро на неделю уезжают в тур по Италии. Вот, я в следующую субботу устраиваю party. Только для близких друзей. Так ты, если хочешь, приходи. Часам к восьми. У меня, кстати, есть последний лицензионный диск группы "Поезд". Которая из Калифорнии. Ты ведь говорил, что тебе нравится?

Развернулась и ушла. Меня как в сугроб окунули.

Нет, ну вот почему так? Я понимаю, что без девочек, и без любви жизни вообще нет. Но когда в тот раз обломался с Викочкой, то решил: мне еще рано. Хотя мне было с ней очень хорошо. И общаться, и вообще... А как мы обнимались и целовались... И я ничего не понимал: почему все так неудачно получилось. Поэтому и решил, – потом. Поумнее, опыта наберусь, потом еще будут девочки, и чувства, и все такое.

А теперь что, все по новой? Но при этом знать, что тебя в любой момент могут кинуть, как лоха?

Я мучился всю неделю. Потом решил: ну, в гости – это же не в ЗАГС? Просто вечеринка. В конце концов – ту сотню долларов, которую мне за мелодию дали – будет только справедливо на них подарок купить Викочке. И я даже знал, ка-

кой именно подарок нужен. У Вована бабушке уже почти сто лет. Она живет отдельно, с его теткой. Ну, мы как-то заходили с Вовчиком, и она попросила отнести в антикварный одну вещицу. Такая старинная шкатулка, музыкальная. Открываешь крышку – там крошечная балерина кружится и музыка старинная играет. И еще есть ящичек, куда всякую бижутерию и другие женские побрякушки складывать. Мы тогда отнесли, но там такие уроды! Сказали, что шкатулка поцарапанная, заводного ключа нет, и еще неизвестно, работает ли механизм. Предложили взять на реализацию за сто гривен. Это долларов 15. Минус комиссионные. Короче, забрали мы шкатулку, и привели в порядок. Ключ за бутылку сделал слесарь из нашего дома. Причем не простой, а со всякими завитушками, а сверху бронзу напылил. И механизм оказался вполне работающим. А мы с Вовчиком вместе шкатулку почистили, царапины зашлифовали, потом лаком покрыли. Мы, конечно, не каждый день работали, поэтому закончили только к сентябрю. А потом, как Вы понимаете, появились другие заботы.

В субботу после обеда я пришел к Вовчику и говорю:

– Вован! Я хочу шкатулку у тебя выкупить. Мне она, понимаешь, как раз сегодня очень нужна. Вот сто долларов. Нормально, Григорий?

– Отлично, Константин, – подхватывает Вовчик. – Только шкатулки у меня нет. Я бабке ее обратно отнес.

– А она теперь отдаст за 100 баксов? У меня больше нет.

– Отдаст, конечно, только рада будет. Сам сходишь, или мне с тобой тащиться?

– Тащись! Тебе полезно от обеденного стола оторваться. А то потом тебя самого вместо ядра толкать начнут.

А дверь нам открыла не Вовкина бабушка, и даже не тет-ка, а Люська. Ее у нас зовут "Там-там", это вроде как по английски звучит "Мальчик-с-пальчик". Уж не знаю, откуда кличка прилипла, но она сама виновата: сама маленькая, одета всегда как мальчик, и стрижка короткая. Она на два года младше нас с Вованом, и поет в нашем ансамбле. Здорово поет, честно говоря.

– Люська, ты что здесь делаешь? – спрашиваю.

– Что делаешь, что делаешь. Живу я здесь! – отвечает Люська.

Тут Вовчик вмешался:

– Конь, а ты что, не знал? Люська моя сестра двоюродная. Она тут с мамой и бабушкой живет. Люсь, а баба Света дома?

– Ну ты, братик, спросил! – всплеснула Люрька руками. – Это когда ж она из дома выходила? А вы зачем пришли?

– Дело у нас, – говорит Вован. – Важное, срочное и прибыльное. Чего гостей на пороге то держишь?

Мы прошли в квартиру. Вовчик рассказал бабке, что я решил выкупить шкатулку за сто долларов. Та очень обрадовалась, и все причитала: "Так много, так много..." Так что мне стыдно стало, что больше заплатить не могу. Люська без конца расспрашивала, зачем мне шкатулка. Узнав, что для

подарка, совсем забодала: кому, зачем да почему? Пришлось ей рассказать, как любопытной Варваре на базаре нос прищипали.

Потом я торжественно вручил бабуле 100 долларов, и положив шкатулку в пакет, пошел к Виточке в гости.

Точность – вежливость королей. И хоть я не король, но решил быть очень точным. Так что погулял еще немного вокруг Викиного дома, и ровно в восемь позвонил в ее дверь. Виточка открыла сразу, как будто за дверью ждала. Ну что сказать? Красавица – она и есть красавица. Даже когда в халатике и с чалмой на голове.

– Здравствуй, Вика! – говорю. – У меня подарок для тебя есть.

И вручил ей пакет. Вика взяла пакет, сказала: "Ты проходи, я сейчас, только в порядок себя приведу" В квартире было тихо. Я прошел в комнату. Огромный зал, как вся наша квартира. Красивые диваны, покрытые светло-серой кожей, плоский телеэкран, большой, как окно. В углу – я даже глаза протер, – пианино, точно как то, что у нас когда-то было. С подсвечниками. На полу паркет сборной, такой красивый, что я подумал: шкатулочка – то моя убого здесь смотреться будет. А в зале тихо. И никого.

– Я что, первый пришел? – спрашиваю.

Слышу – "Ох!" Оборачиваюсь: из прихожей всплывает (другого слова не подберешь) Виточка.

На ней что-то такое золотисто-прозрачное. Ну, вы навер-

няка в американских фильмах такое видели на всяких суперзвездах. А тут, – вот оно, рядом. Ну, и вся она... Э, я бы сыграл, а вот сказать не могу. И в руках держит шкатулку.

Говорит: "Подержи!" и выходит из комнаты. А через минуту возвращается с точно такой же шкатулкой, только потертой и поцарапанной.

– Эта шкатулка для нашей семьи очень много значит, – говорит Виточка. И голос у нее при этом очень странно дрожит. – Ее очень много лет назад дедушка подарил бабушке. Он потом на войне погиб. А теперь ты даришь. Ты даже не понимаешь...

Потом она встряхнула головой и сказала:

– А гости уже все пришли. Других не будет.

4 Библия от Шарика

1.

Вначале было слово. И слово было у Хозяина, и слово было непечатно, ибо вбухал Хозяин большие бабки в землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над пустырем, и Дух нестерпимый носился над сточною канавой.

И сказал Хозяин: «Да будет свет!» И отстегнул электрикам. И стал свет.

И увидел Хозяин свет, что он хорош, и достал бутылку Немирова, и раздавил ее с электриками. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Хозяин: да будет твердь посреди земли, и да отделяет она землю от земли. И отслонявил плотникам. И ста-

ло так. И отделил землю, которая внутри, от земли, которая снаружи, за твердью. И землю, которая внутри назвал двором, и землю, которая снаружи – улицей. И стало так. И назвал Хозяин твердь забором. И увидел Хозяин, что это хорошо, и достал три бутылки Немирова, и забухал с плотниками. И был вечер, и было утро с небольшой головной болью: день второй.

И сказал Хозяин: да соберется вода, которая воняет, в одно место, и да явится суша и вода чистая. И забашлял слесарям. И стало так. И собралась вода вонючая в свои места, и явилась суша. И потекла из трубы вода чистая. И назвал Хозяин собрание вонючих вод канализацией, а источник воды чистой водопроводом. И увидел Хозяин, что это хорошо.

И сказал Хозяин: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И отшуршал колхозному агроному. И стало так.

И произвела земля зелень, траву, чтобы на ней лежать, и дерево со стволом, чтобы поднимать на него лапку. И увидел Хозяин, что это хорошо. И достал три бутылки Немирова, и размочил их с агрономом, а слесарям и стакана не налил.

И был вечер, и было утро с головной болью: день третий.

И сказал Хозяин: да будут столбы над забором для светильников и для сигнализации, и да будет фундамент, и стены, и крыша – дом жилой. И отгрохотал строителям. И пил со строителями Немиров, так, что потерял счет дням и ночам.

И стал дом.

И увидел Хозяин, что это хорошо. И был вечер, и было утро со всеми признаками похмелья.

И сказал Хозяин: да поселятся птицы в птичнике, и сядут они на тверди, которая есть забор, и на деревьях, чтобы гадить и удобрять землю. И заказал по каталогу всякую птицу пернатую по роду ее. И благословил их Хозяин, говоря: плодитесь и размножайтесь, и рыбки пусть заполнят аквариум, и птицы да размножаются на земле. И увидел Хозяин, что это хорошо. И достал Немирова, и пил уже сам, как последний алкаш.

И был вечер, и было утро, и было тяжело в желудке и мучительно на душе: день очередной.

И сказал Хозяин: да произведем душу живую по роду ее, скотов, ибо мясо на рынке дорого, и зверей земных по роду их. И сделал перевод на счет племенного питомника. И стало так.

И поселил Хозяин скот по роду его, в хлеву и в свинарнике. И нанял соседского мальчишку, чтоб тот задавал скоту корм. И увидел Хозяин, что это хорошо. И уже среди дня достал Немиров, и стал квасить. И когда продрал глаза ближе к вечеру, сказал Хозяин: сотворим чего-нибудь по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле, и нес еще много подобного

брета.

И вдруг увидел на земле рядом с собой, морда к морде, собаку. Пса увидел Он, мужчину, то есть кобеля.

И благословил его Хозяин, и назвал его Шариком – не за круглую форму, а потому, что достался он Хозяину на шару. И сказал ему Хозяин: плодись и размножайся, но умеренно, чтоб соседи не ругались! И владей над рыбами морскими в аквариуме, и над зверями в доме, и над птицами небесными в саду, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. От кухонной двери и до ворот. Всех ты можешь облаивать, и хватать за ноги.

И сказал Хозяин: вот, Я дал тебе полную миску еды высококалорийной, и сухого собачьего корма «Педи-гри» – тебе сие будет в пищу. И стало так.

И увидел Хозяин все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И в этот день кончились и отпуск, и отпускные. И был вечер, и было утро, и руки тряслись, но похмелиться было нечем.

2.

Так совершены дом и двор и все воинство их.

И завершил Хозяин к концу отпуска всю стройку, и все дела Свои, которые Он делал, и почил в день последний от всех дел Своих, которые делал. И не пил ничего, кроме рассола.

И благословил Хозяин этот день, и освятил его, ибо в

онный почил от всех дел Своих, которые Хозяин творил и создал, и не болела голова у него с похмелья.

И насадил Хозяин огород во дворе, и поместил там чучело, которое создал.

И произрастил Хозяин из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для того, чтобы его помечать по время прогулки, поднимая ножку.

И взял Хозяин Шарика и поселил его в доме, чтобы хранить его.

И приготовил Хозяин отбивные на сковороде, и заповедал Хозяин Шарика, говоря: Из миски своей ты будешь есть, а из сковороды, не ешь из нее, и не тронь ее, ибо в день, в который ты вкусишь из нее, смертью умрешь. А сам ушел на работу, потому что отпуск уже кончился.

3.

Кот был хитрее всех зверей домашних, которых поселил Хозяин в доме. Хитрее мышей и даже тараканов. И сказал кот Шарика: подлинно ли сказал Хозяин: не ешь нигде и ничего в доме?

И сказал Шарик: из миски своей я могу есть, только со сковородки, сказал Хозяин, не ешь и не прикасайся к ней, чтобы тебе не умереть.

И сказал кот Шарика: Что за предрассудки? Убивать за кусок мяса? А как насчет общества охраны животных и законов о жестоком обращении? И вообще – Хозяин-то отходчивый.

Но в день, в который ты поешь со сковородки, станешь ты сам, как Хозяин, откроются глаза твои, и ты будешь лежать на диване, а Хозяин будет тебе приносить тапочки.

И увидел Шарик, что отбивные хорошо пахнут, и что они приятны для глаз и вожделенны, потому что это так здорово: лежать на диване, и чтобы тебе приносили тапочки; и взял сковородку, и сдернул ее с плиты на пол, и ел отбивные, а масло вылизывал.

И слышали голос Хозяина, входящего в дом после работы, и спрятался Шарик от лица Хозяина под диван.

И воззвал Хозяин Шарик и сказал ему: Сучий сын, где ты?

Он завыл: голос Твой я услышал в доме, и убоялся, потому что беспорядок на кухне.

И сказал [Хозяин]: Какой такой беспорядок? Не ел ли ты от сковородки, с которой Я запретил тебе есть?

Шарик сказал: Кот обольстил меня, и я ел.

И сказал хозяин коту: что это ты сделал?

Кот сказал: подумаешь, пару кусочков мяса! Если Вы так о нем заботитесь, могли бы и в холодильник спрятать.

И сказал Хозяин коту: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями домашними; ты будешь ходить сам по себе, и будешь есть, что найдешь на мусорнике во все дни жизни твоей; а что ты будешь делать в марте, я тебе потом расскажу; и вражду положу между тобою

и между псом, и между семенем твоим и между семенем его; он будет облаивать тебя, и загонять на дерево, а ты будешь шипеть и есть сметану в постные дни.

Шарику сказал: умножая умножу скорбь твою. И нашла на тебя блох кусающих, и клещей сосущих. И ко мне навсегда влечение твое, и будешь ты махать хвостом и скулить, а я буду сажать тебя на цепь во дворе, и кормить тебя из миски во все дни жизни твоей.

И выгнал его Хозяин из дома, чтобы стерег дом, из которого он взят.

И посадил Шарика на цепь, и поставил на забор и на замки сигнализацию.

5 Победитель дракона

Сказка о юном герое и злокозненном драконе

Очень-очень давно, когда еще даже айфонов ни у кого не было, жил-был дракон. Он жил-был под крутобоким холмом в мрачной пещере. Дракон был страшный, огромный, холоднокровный, и зубастый. И он умел летать и плевать огнем. А еще дракон был очень хитрый, умел считать до ста и решать в уме задачи на сложение и вычитание. И характер у этого дракона был отвратительный.

Пасут, бывало, пастухи стадо коров возле холма. Дракон каак вылетит, каак заревет! Коровы разбегаются врассыпную, пастухи от страха наземь падают. Некоторые даже заикаться начинали. А дракон сидит на верхушке холма, и хочет. Очень не любили пастухи из ближнего села этого дра-

кона. А то, бывало, ловят рыбаки сетями рыбу в реке. А дракон как пролетит над самой водой! Рыбаки с лодок прыгают, сети путаются. А дракон усядется над обрывом, и хохочет. Рыбаки дракона тоже не любили.

И граф Д'Иль, владелец всех окрестных земель, тоже дракона очень не любил. Уж сколько раз бывало: выедет граф в лес на охоту со своими рыцарями и дамами. Скачут по лесу, в рога трубят, собаки лают, оленя загоняют. Красота! А тут налетит дракон. Дамы визжат, рыцари с коней падают, собаки след теряют. Стыдно графу перед рыцарями и дамами. А поделаться ничего нельзя. Объявлял граф, что если храбрый рыцарь дракона прогонит с графской земли, большую награду получит, и женится на графской дочери, красавице Оливии. И много храбрых рыцарей отправлялось биться с наглым драконом. Но никто не смог дракона победить или напугать. Выедет с утра очень отважный храбрый рыцарь на коне, в блестящих латах и с оруженосцем, на бой с драконом. А вечером возвращаются оба побитые, латы покорежены. И без коня.

Вызвал тогда граф Д'Иль старуху колдунью, чтоб навела на дракона порчу, или хоть ядом его извела. Взяла старуха плату вперед, и исчезла в ночной тьме. И не слышно было о драконе целую неделю. Обрадовался граф, и устроил праздничный пир, собрав своих рыцарей и дам в парадной зале замка. Весело пировали граф и его вассалы, в каминах жарились целые туши быков и свиней, играла музыка и лилось

рекой вино. К ночи по приказу графа растворили окна в зале, чтобы остудить разгоряченные пиром лица. Вдруг раздалось зловещее хлопанье крыльев. И с леденящим кровью шумом через растворенное окно влетела и упала на стол прямо перед графом раздувшаяся от яда туша овцы. А потом раздался такой знакомый и такой ненавистный хохот дракона, и ужасный громкий голос: "Граф Д'Иль! Ты расплатишься за свое вероломство! Отдашь мне свою дочь. Завтра привезешь к моей пещере. А не привезешь – пожалеешь! Все графство сожгу! Ха-ха-ха!" Вот так начинается эта страшная и героическая сказка.

Дракон хохотал, но на самом деле ему не было весело. А было ему грустно. Он был очень молодой по драконьим меркам, всего-то полтора года лет. Если переводить на человеческие годы, то это лет двенадцать. А в двенадцать лет хочется веселиться, играть с друзьями, и даже (иногда, изредка) чему-нибудь полезному учиться. Но такие уж у драконов обычаи: как только самостоятельно вылетел из гнезда, мама с папой отправляют молодого дракончика в белый свет, и ничем ему больше не помогают. У драконов считается, что это закаляет характер. За желто-зеленую чешую дракончика звали в родном гнезде Лопушок. Дракончик этого имени стеснялся, и обижался на маму, папу и сестер когда те его так называли. Но вот стал он жить один, и мог взять себе любое, хоть самое грозное имя, например "Гром". Но не было никого, кому бы можно было это имя назвать. Пробовал он кричать крестья-

нам, рыбакам или рыцарям: "Мое имя Гром!" Но те называли его все равно проклятой летающей ящерицей. Как бы он хотел, чтобы хоть кто-нибудь теперь называл его Лопушок!

Дракон летел от графского дворца в свою пещеру, и мысли его были очень печальны. Как вдруг услышал он (а у драконов очень чуткий слух) детский плач. Даже полностью взрослый дракон, длина которого достигает 15 метров, а вес больше тонны, может двигаться по лесу тихо, как кошка. Молодой дракон, вдвое меньшего размера, приблизился к плачущему ребенку вовсе бесшумно. На камне, совсем рядом с дорогой, сидел мальчик чуть старше десяти лет. Выглядел он весьма странно, можно сказать смешно. Мальчишка влез в доспехи и взял оружие взрослого воина. Тяжелая кольчуга скрывала всю его фигуру, как халат восточного купца. На голове – большой, покрытый пятнами ржавчины, полукруглый шлем казался шляпкой гриба. За спиной висел колчан от большого лука, а прямой меч корд, прислоненный к камню, поднимался выше головы. Глядя на этого мальчишку, пытавшегося выглядеть грозным воином и рыдавшего с детской простотой, Лопушок почувствовал себя таким же – мальчишкой, играющим в опытного вояку. Что с того, что даже юный дракон может легко победить любого рыцаря? Разве нужны ему эти победы, за которые его только проклинают? И никто вокруг не понимает его простых веселых шуток, за которые его тоже проклинают. Лопушку тоже очень захотелось поплакать вместе с мальчишкой. Вот только дра-

коны не умеют плакать.

Говорить по человечески драконы тоже умеют тихо. И Лопушок тихо спросил: "Мальчик кто ты, и почему ты плачешь?"

Мальчишка вскинулся, неожиданно услышав чужой голос. Но незнакомец говорил тихо, угрожающих движений не делал. Был уже поздний вечер, и темная фигура на фоне темного леса не выглядела большой и опасной. И он ответил сквозь слезы:

– Я Джордж Хольден, сын Патрика Хольдена, десятника лучников рыцаря сэра Гийома Ри. Вот только теперь уже не десятника. – И мальчик заплакал еще горше.

– Эй, эй, Джордж! Ты еще ничего не рассказал. – чуть повысил голос дракон. Если бы мальчик не плакал так громко, он наверняка услышал бы пришепетывание, с которым говорят на человеческом языке драконы.

– Объясни, что ты делаешь на этой дороге, столь опасно вооруженный, и почему ты плачешь.

– Ах, сэр путник! История моя печальна, – сказал мальчик, неожиданно прекратив плакать. Его голос стал напевным и немного гнусавым. Именно так сказочники и побирušки- калеки рассказывают в селах свои слезливые истории, чтобы выдать у слушателей пару медяков. – Мой отец был честный воин. Он сражался еще с отцом сэра Гийома против шотландцев. На войне стал десятником стрелков, и за отвагу и умения старым сэром был назначен в оруженосцы

молодому сэру. И поскольку в жилах моего отца тоже текла благородная кровь, он мог бы быть посвящен в рыцари, соверши какой-нибудь подвиг. Но вот месяц назад, в один очень несчастливый день, сэр Гийом вызвался сразиться с ужасным драконом, который запугал всю округу, и перебил бесчисленное число добрых христиан.

– Постой, мальчик! – не удержался дракон. – Это каких христиан, и в каком же смысле – перебил?

– Сэр путник, – ответил мальчик, – какой вы непонятливый! Крестьян из соседних деревень, и рыцарей, которые пытались их защитить. А перебил – в смысле сначала убил, а потом сожрал. Ну, или сначала сожрал. Я точно не знаю. Но погибли многие сотни христиан.

– Эй, Джорж! – Не унимался дракон. – Во всей округе не наберется и сотни крестьян. И все они пока живы. Вот только пастух в соседней деревне помер. Так он в реке спяну утонул. А рыцарей на бой с драконом выходило штук шесть. Если считать с оруженосцами – то двенадцать. Один сломал себе шею, когда с коня упал. Еще одного оруженосца лошадь задавила с испугу. А остальные хоть побиты, но живехоньки. Что-то ты путаешь.

– Сэр путник, не сбивайте меня, – возразил мальчик, – а то я так никогда до конца не доберусь. И ничего я не путаю. Все знают про бесчисленное множество погибших добрых христиан. А если не в этой местности, так значит в какой другой. Дракон-то зловредный? Значит, не мог не погубить

бессчетное множество. И священник из замка так говорил. А он врать не будет.

Сказал он это с такой убежденностью, что если б речь не шла о нем самом, Лопушок и сам бы поверил, что действительно, погубил. А мальчик продолжал:

– Так вот, сэръ Гийом поехал сражаться с драконом. И мой отец с ним. Ну сэръ Гийом разогнал своего быстрого коня, и ударил дракона копьем. Но только на драконе была заколдованная чешуя, и копьё сломалось. А зловредный дракон как налетит, как ударит огнем. А сэръ Гийом как схватит целую скалу, да как бросит в дракона. А потом и мой отец как схватит скалу! Но тут дракон напустил на них восточные чары! И сэръ Гийом свалился с коня, да так неудачно, что сломал себе ногу и вывихнул плечо. И мой отец, как его оруженосец, потащил его на спине с поля боя. Вот так закончился несчастливо этот бой. Сэръ Гийом не утратил рыцарской чести, но потерял родовой меч и единственного коня. Его наследственные доспехи пришли в негодность. А граф в этот день был не в духе. Он приказал сэру Гийому убираться с глаз долой, пока не вернет себе родовой меч и коня. Так мой отец лишился шанса стать рыцарем. И с тех пор они сидят вдвоем с сэром Гийомом в его замке и пьют вино, и поют военные песни.

– Это все понятно, – перебил бесконечную историю Лопушок. – Но ты-то тут при чем? Почему ты оказался на этой дороге, и почему плакал?

– Так все очень просто, сэра путник. – Отвечал мальчик. – Раз отец не может, я решил совершить подвиг сам. Я взял кольчугу, и шлем, и оружие отца, и пошел чтобы сразится с драконом и отобрать у него меч сэра Гийома и лошадь.

– Ну, с лошастью ты явно запоздал, – сказал себе под нос дракон, – или я поторопился. От этой старой клячи была такая изжога!

– Вы что-то сказали, сэра путник? – живо спросил мальчик.

– А плакал то ты почему?

– Из-за тетивы. Эта была последняя тетива из жил дикого оленя. Отец после войны с шотландцами привез десять таких. Я хотел на лук натянуть, чтобы какую-нибудь птицу подстрелить и выманить дракона из пещеры. Но тетива, видать, уже потертая была. И порвалась. А других, из веревки, я не брал.

– Ну выманишь ты дракона, а как же ты с ним сражаться будешь? – откровенно удивился дракон. – Вон у рыцарей, опытных вояк, ничего не получилось.

– Ничего, – бодро возразил Джордж. – Во-первых, может, дракон постыдится применять волшебство против маленького мальчика, и мы сойдемся в честном поединке? Во-вторых – я буду сражаться за правое дело, а дракон только за свою шкуру. И потом. Моей семье так не везло, что должно же когда-нибудь повезти!

– Какой замечательный мальчик, – подумал дракон. – Какая жалость, что он не дракон. Хотя, разве бывают драконы

такими открытыми и общительными? Может, найти для него этот меч?

– Послушай, Джордж! А как выглядит родовой меч этого сэра? Какие у него отличия?

– О, сэр путник, у него много отличий, – затараторил мальчик. Чувствовалось, что эта тема ему близка. – Я не раз помогал отцу чистить этот меч, и отличу его от любого другого. Это длинный французский меч с короткой плоской крестовиной, из хорошей светлой стали, заточенный с двух сторон и с заостренным клинком. Рукоять из бука с навитой буйволиной кожей. Навершие рукояти – шар и на нем три насечки – одна очень глубокая. На доле совсем уже почти стертая надпись "Фама" что по латыни означает Слава.

– Все, все! Достаточно! А скажи мне еще, Джордж слышал ли ты, что победителю дракона полагается большая награда и графская дочь в жены?

– Ой, сэр путник! Вы нашего графа не знаете. – Мальчик совсем освоился, и болтал с незнакомцем непринужденно, как с соседом. – Он, конечно рыцарь, и слово не нарушит. Но только сильно я сомневаюсь насчет его щедрости. А красавица Оливия, если хотите знать мое мнение, вовсе и не красавица. Вздорная девчонка. Она всего на два года старше меня, так что я знаю, что говорю. Мой троюродный брат Филипп был назначен при ней пажем. Так она разбила об его голову кувшин с водой, который он ей якобы невежливо подал. Да и всем известно, что она давно назначена в же-

ны владетелю Хольден-Сакской марки, маркизу Онорэ. А их ребенок по договору наследует и графство и марку, и может претендовать на титул герцога. Так что всяческих храбрецов и победителей драконов попросят подвинуться.

Этот мальчишка все больше нравился дракону. Именно такого друга он хотел бы иметь. Вот с кем и пошутить можно, и поиграть, и о серьезных вещах поговорить. Вежливый с незнакомцем, который, может, и не дворянских кровей. Не пытается строить из себя особо благородного, как некоторые рыцари. И – гляди ты, он идет на смертный бой, и вовсе не рассчитывает на награду. И еще дракон подумал об Оливии. Неужели граф и вправду так испугается, что привезет эту девчонку завтра к пещере? Какая великолепная шутка! А Джордж, оценит ли он ее?

Стоит еще малость порасспрашивать мальчишку.

– Значит, ты собрался на бой бескорыстно, только ради рыцарских шпор?

– Нет. Еще ради справедливости. Рыцари то ладно, они сами свою судьбу решают. Но зачем этот подлый дракон крестьян жрал? За такое наказывать нужно!

Ночь вступила в свои права. Ночной фонарщик зажег на небе звезды, но луна все еще куталась в тучи, и мальчик так и не мог разглядеть путника, с которым беседовал.

Лопушок судорожно перебирал в уме, и все не мог найти такие убедительные слова, чтобы мальчик перестал видеть в драконе только чудовище, заслуживающее смерти. Наконец,

он сказал:

– Скажи-ка, Джордж, а ты хочешь непременно победить дракона в честном поединке? Слышал ли ты сказание о герое из норманнов, по имени Зигфрид, или Сигурд? Тот не мог одолеть дракона, но вырыл яму на его пути, спрятался там, и ударил мечом дракона неожиданно в брюхо.

Голос Лопушка слегка дрогнул. Он помнил, с какой горечью рассказывала бабушка о подлом убийстве Фафнира, ее двоюродного брата.

– Я слышал это сказание, – ответил Джордж, – но оно мне не нравится. Может, Сигурд и великий вождь, и знатный рыцарь, но дракона он убил бесчестно. Я слышал, что дракон всегда нападает открыто, хоть и использует чары, что рыцарю не пристало. Когда идет война – тогда другое дело. На войне и засада, и ловушка, и огненная стена – все допустимо. Но в поединке все должно быть честно. Иначе какой же это подвиг, и чего стоят рыцарские шпоры?

– Так, что если б я дал тебе волшебное зелье, – сказал Лопушок, – чтоб погрузить дракона в сон, и во сне отрезать ему голову...

– Я бы поблагодарил вас, сэръ путник, за попытку помочь, но зелья бы не взял, – храбро заявил мальчик.

– А если бы я договорился с драконом, – продолжал дракон, – о справедливых условиях поединка? Ведь дракон больше тебя, и сильнее. Просто сила на силу – это не совсем правильно.

– О, это было бы замечательно. Но дракон... он же чудовище. И злокозненный. – Засомневался Джордж, – Он ни за что не согласится. Или согласится для вида, а потом обманет.

– Ну, и чем ты рискуешь? – искушал дракон. – Он ведь и вправду сильнее. А ты мне нравишься, и я хочу тебе помочь.

Если мне удастся уговорить дракона, у тебя будет хоть маленький шанс сразиться с драконом на равных, и победить его. И знаешь, что самое интересное? Твой подвиг сможет оценить по достоинству даже господин граф.

Рано утром, едва встало солнце, графский крытый возок остановился на дороге в ста шагах от пещеры дракона.

Возок сопровождали четыре графских стражника верхами. Из возка вышли две женщины и силком вытащили заплаканную девочку. Женщины подтолкнули девочку к пещере, и она потерянно побрела туда, опустив голову и всхлипывая. Вдруг из кустов, что окружали пещеру, на дорогу выскочил мальчишка. Он был одет в большую ему кольчугу, слегка волочившуюся по земле, в большой полукруглый шлем, и держал на плече большой меч с себя длиной.

– Стойте! – Крикнул мальчишка – по договору с сэром драконом я, Джордж Хольден, из рода северных Хольденов, сейчас войду в пещеру, и буду сражаться с зло... с драконом, в общем. И да поможет мне Бог!

Слушайте же внимательно, ибо сказка близится к завершению!

И мальчик забежал в пещеру, а оттуда тотчас же донесся

громоподобный рев дракона. Потом был грохот, и еще рев, и еще грохот. И продолжалось это до полудня. Потом мальчишка вышел из пещеры. Кольчуга на нем была порвана, а шлем погнут. Но зато юный воин тащил сразу два меча. Второй, длинный французский меч, поблескивал светлой сталью.

Граф щедро наградил победителя дракона. Юному Джорджу Хольдену были вручены серебряные рыцарские шпоры, серебряный кубок и пергамент, в котором описан подвиг Джорджа. Кроме того, граф Д'Иль наделил юного героя и всех его потомков правом на Холм дракона и пещеру в нем. Что касается красавицы Оливии, которая уже бросала на мальчика кокетливые взгляды, Джордж публично заявил, что не смеет и думать о том, чтобы связать свою судьбу с нею. Он сказал, что в будущем рассчитывает вступить в духовный орден рыцарей-храмовников, и посвятить себя служению Богу.

Тело дракона так и не нашли. Юный герой рассказал, как после тяжелой битвы, в предсмертном порыве, дракон рухнул в озеро в центре пещеры. Очень глубокое озеро, дно которого никак не прощупывалось.

Больше в графстве Д'Иль о драконах не слыхали. А через год с небольшим и Джордж, попросившись с отцом, уехал в далекую Францию, где его след и теряется. Но еще много-много столетий вся Европа вспоминала юного героя Джорджа – Георгия, одолевшего дракона и спасшего юную

графиню, предназначенную ему в жертву.

Да на стенах драконьей пещеры пыльный глаз еще немало лет спустя мог различить странные магические знаки. Нечертанные углем, они были похожи на множество небольших решеток, где в каждой клеточке прорисован кружочек или крестик.

6 Хитрец внутренний монолог растения

Я все еще жив. Твою же мать! Я все еще жив. Чуть-чуть не успел. Сантиметров десять.

–Ну чё ты вылупилась, дура! Если б я мог, я бы все тебе сказал. Но вы меня еще не знаете! Я хитрый. Да, я умный и хитрый. И вам меня не удержать.

Тогда, пять лет назад, я все приготовил. Этот, хрен-его-знает-как-барбитурат. Я знал, я чувствовал, что все кончится инсультом. Как у отца, как у деда. И я не хотел жить как растение. Кто ж знал, что мозг на самом деле еще пашет. А эти томографы, ядрёные, мать их всех, резонаторы врут честным людям. И ведь ясно, что растение. Так усыпите, не мучайте! Ни себя не мучайте, ни меня. Нет, гуманность у них в жопе свербит! Знали б вы, как у меня порой свербит! Но нельзя! Нельзя показывать виду. Потому что я хитрый...

Фуух. Заснул. Ну и спал бы. Чего тормошить, спрашивается?! Какая на хрен еда? Не хочу я жрать. Да это дерьмо и никто бы не стал есть в здоровом уме. Ну да, я не в здоровом уме. Я растение, которое думает, что оно в здоровом уме. И горячее! Эта овощная бурда горячая! Да, я не могу сказать,

а ты пользуешься! Главное, ведь знают все – желудок не работает. Но затолкают бурду в рот, и приходится глотать. А потом клизмой выводить. А я, может, колбасы хочу. Копчененькой. И водки, чтобы забыться....

Да не тряси! Уже проснулся. И проглотил я, проглотил твою бурду! Эх, самих бы вас заставить эти таблетки глотать. Что ты сюсюкаешь? Я и без тебя знаю, что только благодаря этим таблеткам и живу. Ну кто? Кто вам сказал, что я хочу жить? Оставили бы меня в покое по-хорошему!..

Ага, вот как? Сегодня процедуры? Ну очень хорошо! А я вот так сейчас выгнусь! А ты согни, согни! Дура! Что ты видела, что ты знаешь? Один класс и два корридора. А я со своим университетским образованием даже посрать без тебя не могу. Да, я умный, но и умным, бывает, не везет. Один раз мне не повезло по-крупному.

А ведь казалось, вытацил счастливый билет. Да чего там казалось! Так и было. Когда я выписался из госпиталя под Минском после ранения, мой полк уже был расформирован.

Конец 46-го, армию сокращают. И я вроде попал под сокращение. На морде военкома была написана откровенная зависть. Какой-то лейтенантишка, а боевой орден и две медали. То, что за эти награды мне дважды довелось в танке гореть – не считается. Когда в его кабинет зашел капитан в синей фуражке с красным околышем (войска МГБ), на обрюзгшем лице военкома мелькнула какая-то гаденькая усмешечка. Военком вышел, а капитан стал меня окучивать. Впро-

чем, он мог просто сказать: «Надо!» Мы тогда так были воспитаны. Надо – и все. И понесло меня на край света. Израиль – это была пустыня и болото. Может, в столице, в Тель-Авиве, тогда и было красиво. Но нас-то приземлили в таакой дыре... Я да еще один танкист, с 3-го Украинского, и два техника местных. Они говорили на странном языке, немного похожем на немецкий. А я его не знал. Слышал только, что это называется идиш. У нас в семье его только баба Фира знала. От нее я перенял одно слово – агицын паровоз. Какой там иврит! Я почти до 48-го ни одного, говорящего на иврите, и не встретил. Ползали мы по свалке, и собирали из ржавых остовов грузовики и танки. И таки собрали. Между делом кто-то там провозгласил Израиль. Вот тогда и пригнали к нам молодых израильтян. Я уже почти говорил на идиш, а тут пришлось и иврит учить. И одновременно гонять этих пацанов, пытаясь сделать из них танкистов. А какую гадость мы заливали вместо бензина! Танковые двигатели-то все были бензиновые. Потом были бои. Паршивые бои. И война была паршивой. Но у меня был приказ Товарища Сталина – И мы таки создали армию Израйля. И когда в 49 м, наступил мир, я уже был израильтянином. Я за эту землю кровь проливал! Потом учеба, стройки, стройки, стройки. Инженеру-строителю работы хватало. Опять война- и опять стройки. Жена, дети... Дети. Это сын, дубина стоеросовая, мне никак умереть спокойно не дает. Но я умный! Я хитрый! Я вас всех... Больно то как! Нет, то, что этот полутруп ты моешь, это

хорошо. Гнить я не хочу. Пока не хочу. Вот, вот так, с каталочки в кресло, а я вот так, чуть бочком. Ты же не понимаешь, ты не видишь. Правая-то у меня на виду, а левая-то под одеялом. Вот еще чуть-чуть. Да я бы давно все закончил, но просчитался. И у деда и у отца парализовало правую сторону. Вот я и готовился под левую. Просчитался...

Ну что ты пялишься, дура? Да, я задумался о своем. Опять ты свою овощную бурду будешь в меня вталкивать. Но я хитрый, я покорно буду глотать. Вот, уже кончается. Сейчас! Я мычу, и чуть выгибаюсь. Дура тут же сует мне салфетку в правую. Ага! Я ж интеллигент, как не вытереть ротик салфеточкой. А вот – чуть сдвинул левую. Совсем чуть-чуть. И средний палец, тот, что не совсем умер, еще раз нажал на подкладку. Воот она, лапушка моя! Длиненькая и гладенькая. Так, теперь можно отдохнуть до вечера...

Ага, вечерний чай. Да, мои зубы истерты до корней. А ведь предлагал же дантист. Все предлагал удалить. И деньги у меня были. Пожадничал. Внуку к свадьбе подарок готовил. Квартиру в центре. Да, когда я ушел на пенсию, думал: Какую длинную жизнь прожил! И были еще силы, и были планы. В том числе насчет зубов. Нужно было вырвать. Эта печенюшка как напильник. И трет по корням, трет. Так больно!

Ну вот, вот он, момент истины. Давай, дура, доставай свой шприц! Так, так поближе! Умничка! Ампулу и нужно держать в левой, иначе как же я ее у тебя выбью?

А вот так! И выбитая ампула падает в складку одеяла,

укрывшего мою левую. Теперь маленький поворотец... Дурра, смотри выше, выше! Вот, вот... Видишь, вот она, ампулка!

Ну конечно ты не проверишь надпись! Я хитрый! Я все знал!

Тогда я просто опоздал. Ну, не должен insult бить неожиданно. Боли какие-нибудь, ну хоть что-то. В восемьдесят пять я уже был готов. Я ловил первые признаки. Проворонил. Но я хитрый. Все рассчитал. Ампулку запрятал в обшивку кресла. А куда ж и класть паралитика, как не в это кресло. Я его для того и покупал! Конечно, я не думал, что стану растением сразу. Но вышло как вышло. И вот теперь! Да, лапушка, да! Этот твой витаминный укольчик принесет мне избавление. И я, право же, его заслужил! Коли!..

Блиин! Я все еще жив? Что это? ...

7 Шербурские зонтики

В полдень солнце жжет в Эйлате невыносимо. Все нормальные люди сидят в тени. Но рядом, в шезлонге на самом солнцепеке потягивает пиво пожилой мужик, типичный «русит» – так называют в Израиле всех, туристов или эмигрантов, приехавших недавно из России, Украины и прочих СНГ-вских стран. Я здесь уже больше недели отдыхаю, и, на правах старожилы, решил поделиться опытом:

– Земляк, тут солнце бешенное. Можно рак кожи схватить. Ты б в тенек перебрался.

– Ничего, мне солнце полезно, – отвечает «русит».

Причем слова выговаривает с совершенно израильским гортанным акцентом. Смотрит на меня доброжелательно, и добавляет: «Впрочем, если ты свой шезлонг сдвинешь немного, я тоже в тени посижу. Меня Ави зовут»

Он угостил меня пивом, я его – сигаретами. Разговорились.

Ави – «сабра», то есть израильтянин, родившийся в Израиле. Но родители его приехали, хоть и в разное время, из Украины. Он жил в Тель-Авиве, вместе с другими мальчишками кидал камнями в англичан в 46-м. И очень переживал, что закончилась «война за Синай» в 56-м, а он еще не дорос до армии. Русский язык у него от родителей.

Ави – отличный собеседник. Правду ли он рассказывал, и всю ли правду, не знаю. Много деталей, подтверждающих правдивость его рассказов, я потом отыскал в Интернете.

Прилетев после отпуска домой, я все, что запомнил, записал. А вы почитайте.

Я не националист, но не признавать, что между нациями есть разница – это быть слепым на оба глаза. Ну, вот цвет траура у японцев – белый, у тамиллов – синий, у европейцев – черный. Есть верные приметы которые для одних предвещают добро, а другим сулят зло. Черная кошка, например. Для Англичан – добрый знак, а нам неудача.

Или возьмем кражу. Для некоторых народов это как национальный спорт. Вот, для техасцев прошлого века- кража скота. Для ваших кавказцев – кража невесты, а для бедуинов

– угон машины. Межу прочим, украсть морское судно могут только китайцы. Остальным нациям судьба жестоко за такое мстит. Уж не знаю, в чем тут дело, но пираты были у всех народов. Грабили корабли, захватывали, топили. Вот, казалось бы, равноправие. Но украсть – это только китайцы.

– Постой, Ави. Я ведь историю почитываю. Израильтяне угнали французские ракетные катера в 69-м году. И благополучно их использовали в 73-м, в войне Судного дня.

– Видишь шрам? – Ави показал мне глубокий дугообразный шрам на боку.

– Ну, и какое это имеет отношение...

– Прямое! Я ведь был тогда там. И каждому из нас море отомстило. Хотя катера мы не крали. Мы брали только свое.

– Расскажи, Ави!

– Ладно! Дело прошлое, секрета уже никакого нет.

После шестидневной войны 1967 года французский президент под давлением арабов отказал Израилю в военных поставках. А обстановка была напряженная. Советы подталкивали Египет и Сирию отомстить, снабжали оружием. Египтяне уже располагали 10 фрегатами, 6 эсминцами, полусотней торпедных катеров и 12 современными подлодками, и СССР продолжал усиливать арабские ВМС скоростными ракетными катерами. А у нас огромная линия побережья и почти нет флота.

Вот в 1969 и заказал Израиль у лучших судостроителей того времени во французском Шербуре восемь ракетных ка-

теров. Но пока катера строили, пока готовили испытания – запрет распространился и на них. Тем не менее осенью, даже не пройдя весь комплекс испытаний, группу из трех катеров перегнали в Израиль. Это был большой скандал! Ну, и остальные катера взяли под контроль. У стапелей полицейские, у причальной стенки войсковой патруль. А надзидала за всем группа арабов в форме Иностранного легиона. Они как будто учения какие-то проводили. Сразу за забором верфи. И выставили радар и батарею скорострельных пушек, перекрывая фарватер.

Ну, нас оформили норвежцами. Уж не знаю, есть ли норвежский язык, только мы его не знали. Болтали на немецком, и это всех устраивало. У меня родители на идиш разговаривали, а этот язык с немецким – как русский с украинским.

Мне предложили принять участие в операции, как снайперу. Тогда в Израильской армии снайперов, считай, и не было, а в той ситуации мог пригодиться.

Мы приехали в Шербур уже осенью, и стали испытывать двигатели. За месяц и полицейские, и военные у причала привыкли к норвежским техникам и к реву моторов наших катеров. Но арабы за всем следили зорко, и даже если б нам удалось увернуться при выходе из порта, нас бы в море накрыла артиллерия или авиация, хоть французская, хоть арабская, на выбор. Уйти нужно было по-тихому.

В то время я познакомился с француженкой, Иветтой. Славная такая девчушка, и бойкая. Ты фильм «Шербурские

зонтики» видел? Вот она такая же тогда была. Все пела. Она кое-как на немецком, я кое-как на французском. Друг-друга понимали. А чтоб целоваться, и вообще знание языков не требуется. Погода дождливая была, и все лавочки в округе привыкли к тому, что мы с Иветтой сидим на них под зонтиком, и целуемся.

Вот в один вечерок, когда погода наладилась, мы с ней пошли от гостиницы, где «норвежские техники» жили, куда глаза глядят – то есть, подальше от чужих глаз. Сидели на берегу бухты, целовались. Красиво, луна светит. На глади воды кораблики и яхты фонариками отсвечивают. А мы у самого конца бухты, где ржавеют старые корабельные корпуса.

Целуемся. Тут дело бы дальше пошло, но Иветта ни в какую – мол, «люди ходят». Они и вправду изредка проходили мимо. Гляжу – баржа у причала. Сразу смекнул, что если там бродяг нету (они во Франции клошары называются) – самое подходящее место для продолжения наших игр. Поднялись мы на эту баржу. Нашел я местечко почище, постелил свой плащ. Присела моя Иветта, стал я ее обнимать, целовать, и только навзничь опрокинул – откуда-то из щели – огромная крыса! И мимо нас, и в воду.

Иветта завизжала, а я стал ее успокаивать. Потом к борту подошел. Гляжу – за баржей вроде как речка, или протока узенькая. Там тоже старые корпуса стоят. Я и спросил у девочки своей, что это за место. Она из семьи корабеллов. Все там знает. Ну, она и рассказала, что тут раньше второй фар-

ватер был, но им давно не пользуются, потому что засорили и ржавых кораблей понаставили. После такой информации мне любовь в голову не шла.

Проводил я Иветту до дому, хоть и сожалел о потерянной возможности. Она, похоже, тоже жалела. А я поспешил к мифакеду, то есть командиру нашей группы. Он, как услышал про заброшенный фарватер, даже прослезился от волнения. За две недели мы по ночам этот фарватер разведали, где надо – с помощью лебедек ржавые корпуса с дороги подвинули. Все это в полной тишине, вручную. И тютелька-в тютельку к Рождеству все приготовили. На Рождество заказали зал в ресторане. Гостей пригласили. Я пригласил Иветту, намекнув, что это будет очень важный для нас вечер.

Накануне вечером собрались мы тихонько, и по-английски, не прощаясь, ушли вторым фарватером из бухты. Когда нас хватились, мы уже пол дроги до дома прошли.

Вот тогда-то я и украл морское судно – шлюпку. За нее мне море и отомстило. Она принадлежала смотрителю маяка, и мы с напарником ее угнали. Мы ее потом привязали к нашему катеру, и так, на буксире, дотащили в Израиль. А ведь говорили мне: «Оставь!»

Полицейские ушли, и военные накануне Рождества основной пост у причальной стенки сняли, и оставили только солдата в будке. Чтобы его внимание отвлечь, пока вся группа размещалась в катерах, и уходила от причала, напарника нарядили в светлое платье, в каком моя Иветт часто ходила. И

мы с ним, прикрываясь зонтиком, сидели в шлюпке недалеко от этой самой будки. Бедняга, может, все глаза проглядел, пытаюсь разобрать, чем мы под прикрытием зонтика занимались. Вторая пара в это время точно так же, под зонтиком, но только на лавочке, отвлекала внимание арабов. Когда катера уже скрылись в тени баржи возле старого фарватера, мы подобрали двух наших ребят, и на шлюпке поплыли туда же.

А как домой пришли, я Иветте телеграмму дал. На французском. Ребята помогли составить.

Но только она не ответила.

И вот представь себе, больше года прошло. Я служу на базе возле Ерухама. Это самое безводное место в мире, посредине пустыни Негева.. Тут и дождей-то не бывает. Мне поручают сопровождать военную колонну. Подъезжаем к перекрестку – стоят машины, платформы и на одной из платформ – знакомые контуры. Подхожу ближе – точно! Моя шлюпка. Я ее и под брезентом узнал. Перегоняют со Средиземного моря на Красное. Ну, я не утерпел, забрался на платформу, чтоб погладить такой родной борт. Только прикоснулся – машина дернула, меня бросило на трос, которым ее прикрепили, трос порвался – и меня по боку! Так меня море посредине Негева достало.

А напарнику еще больше досталось. В день, когда мы на базу вернулись, ему сказали, что жена к родителям на два дня уехала. Ну, он и привел домой подружку. А жена верну-

лась, и их застучала.

Нет, нельзя нам морские корабли красть! А был бы китайцем – хоть бы что!

8 Понты в истории

В Древнем Риме жили патриции, плебеи, и рабы. Патриции были люди уважаемые, серьезные, и занимались серьезными и важными делами. Плебеи не были уважаемыми, но тоже занимались разными делами. А рабы просто работали.

Через Древний Рим текла река Тибр.

Как-то древние римляне решили строить через эту реку мост. Были они ребята организованные, потому собрали деньги, и учредили коллегию, которой эти деньги передали. В коллегии выбрали, конечно, уважаемых людей, – патрициев. Поскольку «мост» по древнеримски – “понт”, то коллегию назвали – понтифики.

Древние римляне любили собираться на главной площади, – Форуме, – и обсуждать общественные дела. Работали за них рабы, поэтому собирались на Форуме часто. И как соберутся, – кто-нибудь из понтификов обязательно берет слово, и рассказывает, какой большой и красивый мост они построят, как много пользы принесет этот мост, соединяя один берег Тибра с другим, как расцветет в результате торговля, а вслед за ней ремесла и искусство. Люди верили понтификам. И чем больше понтифики рассказывали про блага, которые принесет Риму мост, который они построят, тем больше уважения оказывали им сограждане.

Постепенно понтификам поручили и другие очень важные дела – например, разбираться в применении древних законов (древние римляне очень уважали древние законы), и толковать волю богов (древние римляне очень уважали богов).

Понтифики были очень заняты новыми делами, и на Форуме звучали речи о важности древних законов и толковании воли богов, о том, как расцветет торговля, ремесла и искусство, благодаря неустанным заботам понтификов.

Так продолжалось много веков, про собранные когда-то деньги все забыли, а мост по-прежнему никто не строил. И только плебеи, которые, как известно, не были уважаемыми людьми, говаривали: «Ты бы лучше дело делал, а то понты развел, как понтифик !»

Так и пришло в наш современный язык слово «понты»

9 Как нас имеют краткий обзор

(Хотя грубых выражений я старался избежать, людям с тонкой душевной структурой от чтения рекомендую воздержаться)

Вы, надеюсь, меня понимаете. Поэтому я не буду давать точного энциклопедического определения термину "имеют".

И обзор свой начну не с обезьян (в зоологии я не силен), а с человека социального.

Общество, или, учитывая его первобытный характер, община, возглавлялось вождем. Вождь имел кого хотел и сколько хотел. Именно тогда, в начале времен и сформирова-

лось основное деление человечества на два класса: на "они" и "мы". Они – это те, кто имеют, а мы – это те, кого имеют. Не хочу спорить с Марксом, но считаю свой вариант классового деления более научным.

Классовое разделение (и тут я вполне солидарен с Марксом) не признает ни пола, ни расы, ни религии, ни языка. Впрочем, как и классовая солидарность. Классовое общество (и вновь нужно отдать должное Марксу) основано на насилии, или подавлении, применяемом одним классом к другому. И хотя классы нельзя признать полностью однородными, но различия тушуются перед общей классовой сутью. Позднее я укажу некоторые особенности каждого класса.

В соответствии с предметом настоящего обзора виды классовых обществ я подразделяю не по отношению к средствам производства, а по способу, которым "они" имеют "нас".

Да простят меня читатели, если в описании этих обществ я использую не строго научные, но доступные и общепонятные термины.

Итак, первым по времени формирования, и по некоторым другим признакам, следует считать авторитарно-тоталитарное общество.

Характеризуется оно достаточно строгим соблюдением ритуалов.

По приказу сверху, т.е. от "них", организовано, "мы" собираемся в определенных местах. Затем по команде фельд-

фебеля (центуриона, комиссара, политрука, муллы) спускаем штаны, юбки, набедренные повязки, нагибаемся, и громко прославляем власть. Подойдя сзади "они" засовывают в каждого десятого из "нас" ствол огнестрельного оружия (от пистолета до установки "Стэллс") и производят выстрел. Иногда- холостой, или (уж совсем редко) просто щелкают затвором.

До изобретения огнестрельного оружия использовались катапульти, змеи и скорпионы, которые засовывались с той же целью в те же места.

Затем всех оставшихся стегают по всем выступающим частям тела шпицрутенами, шомполами, фасцами и т.п. и лишь после этого имеют. Следовательно, сам акт воспринимается с нескрываемым облегчением. После чего следует команды: "Засупонься!" "Подтянись!" "Рр-няйсь-смиррна!" и "имевший" сообщает каждому: "Молодец, сволочь! В следующий раз ноги отрежу!" На что "мы" дружно отвечаем: "Рад стараться, Ваше б-родь!", или, более патриотично: "Служу Отечеству" и добавляем "Урррааа!!!"

Наивным упрощенчеством было бы считать, что этот вид общества изжил себя, устарел, или остался только в недоразвитых африканских и азиатских странах.

Вовсе нет! И в самых цивилизованных и гуманных государствах находится для него достаточно места. Разве армия любой страны – не соответствует описанию?

Характерной чертой этого общества является пирами-

дальность, или ступенчатость. На нижней ступеньке – народ. "Они", которые стоят на следующей ступеньке (условно можно назвать "их" унтер-офицерами) "отимев" свое, тут же превращаются в "нас", которых имеют "офицеры", стоящие по-выше. Причем "офицеры" имеют как "унтер-офицеров", так и остальных "нас". И так далее. Сверху пирамиды – вождь, хан, фюрер, аятолла, генеральный секретарь. Он имеет всех.

Если авторитарно – тоталитарное общество появилось десятки тысяч лет назад, то следующий вид – общество бюрократическое, возник не более, чем за 8 тысяч лет до Рождества Христова.

Создали его, вероятно, древние шумеры. Бюрократ – в нынешнем понимании – владелец места за канцелярским столом (бюро – фр.)

Бюрократ приходит к "нам" домой, либо "мы" приходим в его канцелярию. Затем бюрократ придавливает нас своим столом (бюро), так, что мы не можем пошевелиться, и имеет нас столько, сколько может.

Особый ритуал при этом не соблюдается, за исключением разве что условного поведения. Бюрократ делает вид, что "иметь" нас ему тяжело и даже неприятно, а мы, наоборот, изображаем полное удовлетворение и, в некотором роде, восторг. При этом не воспрещаются, а даже приветствуются постанывания и крики "Ох!" и "Ой!"

Хотя и это общество имеет пирамидальное строение, но пирамидальность эта отличается от уже названной в обществе

авторитарно-тоталитарном.

А именно: бюрократ с вышестоящей ступени "имеет" только нижестоящего бюрократа, не опускаясь ниже, и уж, ни в коем случае, не снисходя до того, чтобы "иметь" народ.

Большая часть населения мира и сейчас живет в условиях преимущественно бюрократического общества.

Наконец, позднее всех формируется общество демократическое. В этом обществе подавляющий класс настолько слит с классом подавляемым что невозможно провести четкую грань между ними. Взаимовлияние и взаимопереходы из класса в класс создают этому обществу не пирамидальную, а спиральную структуру.

Для этого общества характерны два наиболее распространенных вида взаимодействия классов:

Первый вид – простой. "Нас" просто имеют за деньги.

Второй, столь же распространенный, это когда "они" говорят "нам": "А вот десять долларов лежат на земле, никому не принадлежат!" И, стоит нам только нагнуться, тут-то нас и поимеют. В некоторые периоды, например во время выборов, "десять долларов" заменяются на какие-нибудь абстрактные понятия, вроде права на труд и отдых, свободы слова, и т.д.

Характерной особенностью демократического общества является также то, что "мы" можем устно, а иногда и письменно, возражать против того, что нас имеют.

Впрочем, на результат это несколько не влияет.

Конечно, нельзя все разнообразие человеческого общества уложить в картинку черно-белого цвета.

В классовых обществах существуют подвиды, да и сами общества дополняют друг-друга и проникают друг в друга. Особенно быстро это взаимопроникновение происходит последние 100-200 лет.

Обзор был бы неполным, если бы я обошел молчанием то новое, что возникло в последние десятилетия и напрямую связано с рассматриваемой темой.

Я имею в виду Интернет.

Конечно, взаимоотношения людей в Интернете в основном копируют их взаимоотношения в жизни. Но есть и особенности. Так, третий вид взаимодействия (демократического) общества получил в Интернете особо активное развитие. Интернет значительно расширил ассортимент того, за чем предлагается нагнуться.

Кроме того, очень широкое распространение имеет и не новый, но не бывший ранее популярным метод: люди, собираясь в группы, оголяют некоторые части и нагибаются просто так, очевидно в ожидании, что их кто-то поймает. Характерными местами таких сборищ стали популярные сайты общественно-политические и литературные сайты.

Так выражают себя некоторые элементы мазохизма, характерные для развитого и гуманного человеческого общества. Вероятно, сказывается общая недостаточность прямого насилия во взаимоотношениях.

Завершая обзор я хотел бы заверить заинтересованного читателя, что развитие его темы возможно и нужно. Ведь тема лежит просто на земле. Достаточно нагнуться...

10 Давид, победитель голиафа почти драма

Пьеса

ПРОЛОГ:

И отвечал Саул слугам своим: «Найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне»... И послал Саул вестников к Иессею, и сказал: «Пошли ко мне Давида, сына своего, который при стаде» И пришел Давид к Саулу, и служил перед ним, и очень понравился ему, и был его оруженосцем.

СЦЕНА 1

Лагерь Израильтян в Иудее. Повозка с царскими наложницами.

Давид: (Он одет в тонкую тунику с вышивкой, в руках – гусли) И вот, представляете, дамы, этот лев, а росту в нем не меньше шести локтей, хватает ягненка и тащит через ручей. Но не на такого напал! Я хватаю простую палку, кричу ему: «Стой, негодяй!» и бросаюсь на него как лев! Одной рукой я хватаю льва за гриву, второй вырываю у него из пасти ягненка, третьей...

Наложницы: Ооо!!!

Вбегает царский стражник

Стражник: Давид! Ты опять возле баб околачиваешься!

Сказано тебе, царь еще раз увидит – сделает повторное обрезание –на всю длину!

Давид: Да за что? Я ж только поговорить! Чтобы женщины не так боялись! Сам же царь потом доволен будет!

Стражник: Ладно! Хорош болтать! Беги быстрее к царю! Ему опять плохо! Требуются твои услуги!

Давид: Уже бегу!

Стражник: Девочки, так что этот хлыщ говорил насчет льва? Нужно будет царю рассказать! То-то обхохочется!

СЦЕНА 2

Саул с перевязанной головой в кресле перед шатром. Рядом – несколько советников, в том числе выделяющийся ростом Самуил.

Саул: Ох, плохо мне! Самуил! Помоги!

Самуил: От Бога ты наказан! Стал царем – будь жестоким! (постепенно впадая в истерику, с пеной у рта) Я предупреждал: Пленников убей, детей зарежь, скот уничтожь! Никого не щадить! Крови! Мясa! Пытать! Рвать!

(его берут под руки и уводят. Слышны крики: «Ножaми! Топорами! Головы рубить! Ногти вырывать!») Периодически он вырывается, выбегает на сцену с подобными криками, и его опять утаскивают)

Саул: Да где же этот Давид?!

Давид: Я уже здесь! Излилось из сердца моего слово благое;

я говорю: песнь моя о Царе;

Ты прекраснее сынов человеческих;
благодать излилась из уст Твоих;
посему благословил Тебя Бог на веки.
Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный,
славою Твоею и красотою Твоею.
И в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу
ради истины и кротости и правды,
и десница Твоя покажет Тебе дивные дела.
Остры стрелы Твои, Сильный —
народы падут пред Тобою —
они – в сердце врагов Царя.
Престол Твой вовек;
жезл правоты – жезл царства Твоего.
Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие;
посему помазал Тебя Бог Твой
елеем радости более соучастников Твоих.
Все одежды Твои, как смирна и алой и касия;
из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя.
Дочери царей между почетными у Тебя;
стала царица одесную Тебя в Офирском золоте.
Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое,
и забудь народ твой и дом отца твоего.
И возжелает Царь красоты твоей;
ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему.
И дочь Тира с дарами,
и богатейшие из народа будут умолять лице Твое.

Вся слава дщери Царя внутри; одежда ее шита золотом.
В испещренной одежде ведется она к Царю;
за нею ведутся к Тебе девы, подруги ее.

Приводятся с весельем и ликованием,
входят в чертог Царя... (псалом 44)

Саул: Все-все! Довольно. Ты опять о бабах. Уймись, уймись!

Мне уже лучше! Можешь идти. Но насчет гарема, я тебя уже предупреждал!

Давид: Да как ты мог подумать! Я на женщин даже не смотрю! Я весь посвящен искусству!

Саул: Ладно! Иди! (оборачиваясь к вестовому) Так какие вести с поля боя?

Советник: Не радостные, царь! У нас, как вы знаете, небольшое превосходство в легких соединениях, чуть лучше с лучниками и пращниками. У них преимущество в колесницах и всадниках. В целом паритет. Но они выставили для поединка Голиафа. Вы ведь знаете, два сезона выступал за «Баварию». Мастер показательного поединка.

Саул: А кто у него тренер?

Советник: Некто Пафнутий. Мы пытались завербовать его для «Маккаби».

Саул: Что просит?

Советник: Пять драхм в день, сорок быков в начале сезона, и сто верблюдов по окончании.

Кроме того, сорок драхм за каждый удачно проведенный

поединок.

Саул: Ничего себе!

Советник: Запрашивали пророка. Он сказал, что через три тысячи лет такая сумма за хорошего нападающего покажется смешной.

Саул: Мне не до смеха!

Советник: Да! Период противостояния отрицательно сказывается на биржевых показателях. Акции предприятий хай-тека уже упали на два пункта.

Саул: Это тех, что колеса производят?

Советник: И счетные палочки. И во время военных действий снижается спрос на продукцию химических комбинатов Метвого моря.

Саул: Это на новомодное мыло? Конечно! Какой же мужчина будет мыться во время войны?! Разве что Давид! (все вокруг смеются)

Вбегает вестовой.

Вестовой: Царь! Давид опять...

Саул: Опять у баб?!

Вестовой: В шатре у наложниц. Обсуждают твою политику. Давид сказал, что если бы он был царем, то не допустил бы, чтобы какой-то Голиаф унижал целое войско.

Саул: Ну все! Кончилось мое терпение! Третья рука, говоришь, на баб и не смотрю, говоришь! Я знаю теперь, кто выйдет на поединок с Голиафом!

СЦЕНА 3

Перед шатром Саула

Саул: Ну, что там?! Солнца прямо в глаза! Ничего не вижу!

Вестовой: Ругаются! Голиаф нашего называет цыпленком, а тот его – коровой толстозадой.

Саул: (вытерая слезу) Какой все-таки храбрый мальчик! Ну, что там?

Вестовой: По-прежнему ругаются. Давид стоит далеко от этого здоровяка, и как тот хоть шаг делает, отбегает.

Саул: Ах! Зачем я послал мальчика на смерть?! А! Плевать на законы боя! Передайте пращникам, как только Голиаф приблизится на расстояние броска, забить его камнями.

Подходит советник:

Советник: Царь! Мы договорились с тренером Голиафа! Сорок быков ему уже перегнали!

Теперь, в качестве жеста доброй воли, он проиграет поединок с нашим воином, и притворится убитым.

Саул: Скупать акции химических комбинатов! Срочно! Как только арбитры зафиксируют поражение – посла князьям филистимским с предложениями мира на любых условиях.

Мы даже готовы финансировать развитие у них передовых производств!

(вестовому) Ну, что там?

Вестовой: Так Ваше Величество! Лежит этот Голиаф. Как

там его наш Давид уделал, никто не видел, но факт, что лежит.

Появляется Давид

Давид: Царь! Божьей волей филистимлянин поражен! Я сражался как лев во славу твоего имени и имени Божьего!

Самуил: (появляясь сзади) Какой умный и перспективный юноша! Уважает старших и чтит Бога. Запомним!

Саул: А что это ты так отвратно пахнешь? Уж не обделался ли ты, победитель?!

(советнику) Выдать ему две пачки нашего мыла! Заодно начнем рекламную компанию.

Слава Богу! Переходим к мирному строительству!

СЦЕНА 4, Финал

Саул принимает парад. Проходят воины. Женщины бросают им под ноги цветы. Женские крики: «Саул побил тысячи, а Давид десятки тысяч!»

Саул: (советнику) Кстати, мылу нужно присвоить фирменное название «Давид»! У нас же основной потребитель кто? Бабы. А они от Давида млеют. Пусть воображают, натираясь мылом, что это он их охаживает. Нет! Лучше – "Давид – победитель Голиафа" Умный поймет и посмеется.

11 Безвременье

Я очнулся от боли. Нет, боли как раз не было. Я очнулся от того, что мне показалось, что больно. Как будто в меня врезалась машина. В грудь, разрывая кожу, разбивая вдре�г ребра, выдавливая воздух из легких. И сердце расплющилось в

лепешку.

Бред какой-то. Кошмар. Съел что-нибудь паршивое на ужин.

Все, начинаю здоровый образ жизни. Регулярное питание, зарядка по утрам. Стоп. А уже утро? И вообще, где я? Серые стены, серая постель. Серый воздух. Кошмар какой – то. Я что, продолжаю спать? Сердце забилося, как кузнечик запрыгал. В висках застучало. Во рту пересохло. ГДЕ Я?!!! Я в больнице? Я действительно попал под машину?

Странно. Почему все серое? Если день, должен быть свет. Это не больница! В больнице белые стены и белая постель. Что со мной? Ноги на месте, руки, голова, живот.

Все есть. Если была операция – где же бинты, где шрам, в конце концов? Почему ничего не болит? И на мне какая-то не то пижама, не то роба: серые мягкие штаны и серая рубаха без ворота.

И почему все серое? Я что, в тюрьме? За что? Нет, какой бред! Постель мягкая. Окна нет. Но дверь... Ага, есть дверь! И не железная. Так, без паники! Встал, подошел к двери, осмотрел. Пот прошиб. Дверь без ручки! Значит, тюрьма? Господи, за что же?

Голова наливается свинцом, руки вспотели. Прикоснулся к двери. Боже мой, она открывается наружу! Просто открывается. Нет запоров! Это не тюрьма. А... что это?

Длинный серый коридор. И двери, двери. Так, у моей двери ручка есть. Она снаружи.

Пока все в порядке.

Вышел в коридор. На моей двери номер. Черные цифры: 2, 3, ни большие, ни маленькие. Как раз такие, какими на двери следует писать номер. Почему-то меня это очень беспокоит. Коридор тоже без окон. И без ламп, но свет есть. И тоже какой-то серый. Такой бывает иногда поздней осенью, если тучи небо затянули.

Вот, конец коридора. Серая дверь без ручки, как у меня в комнате. Почему «у меня», тоже мне, собственник. Та комната, что я спал, то есть, в которой спал. Это не моя комната. Это не мой дом. Это не мой коридор. Стою, боюсь открыть. Ничего себе! Собрался! Толкнул, вышел решительно. Е-мое! Это что? За дверью – поле. Такое же серое как всё. Ни домов, ни деревьев, ничего. И воздух как неживой: тяжелый, и не движется.

Обернулся – мой дом. То есть не мой, но это все равно. Серый тяжелый куб. Никаких окон. Одна серая дверь. Казарма или тюрьма. Обошел дом. Что же это?! Ни справа, ни слева, нигде ничего. Что происходит? Где я?

Все, это перебор! Я просто сплю! В жизни такого не бывает. Мне стало тошно. Во сне такого тоже не бывает. Нужно лечь в постель, хоть в эту, серую. И заснуть. А проснусь – и все будет хорошо. Пусть даже будет нехорошо! Пусть хоть как-нибудь будет! Какой у меня номер? Опять – «у меня»? Да Бог с ним! В постель! Была тройка, потом... нет, двойка, тройка. Ага, вот 23. Вхожу. Боже мой! Это не моя комната,

но тут человек! Схватил его за плечо, трясу! Просыпается. Тяжело просыпается, но человек!

Он тоже в серой пижаме. Но лицо нормальное, мужик такой здоровый со щетиной.

Просыпается!

–Тебе чего? – спрашивает, – Чего надо?

–Мужик, я где? – задаю первый и какой-то глупый вопрос.

–Ты в моей комнате, – отвечает, – и спать мне не даешь!

–Постой мужик, не спи! Где мы все? Куда я попал?

Мужик вроде проснулся. Внимательно, но недобро посмотрел на меня, сел в постели.

–Так бы и сказал, что новенький. Не страшно. Где мы все – не знаю. И никто не знает. Мы тут появляемся вдруг. Где? Я бы тоже хотел знать наверняка! Ты верующий?

–Да не очень. Как то крестили, но в церкви не был с тех пор. Постой, ты на что намекаешь?

–А вот на это на самое! Те, которые верующие, говорят, что мы в чистилище. Есть у христиан такая сказочка. А которые неверующие про пришельцев говорят, или про эксперименты спецслужб.

–А ты? Ты знаешь?

–Никто не знает, говорят тебе! Ты поживи немного, пообвыкнись. Тут вот только и есть, что сон и служба. А больше нет ничего. Сам все увидишь! А я сплю!

И мужик опять повалился на постель.

Я глядел на него в полной растерянности. Пришельцы,

чистилище, эксперименты. Ну, попал! А что было раньше? Жил себе, не тужил. Но ничем таким особым не выделялся. Если я умер, так это, значит чистилище. Потому что ни на Рай, ни на Ад не похоже. А я умер? Интересно, чувствует человек после смерти свое тело, как я его сейчас чувствую?

Что там, в Библии про воскресение? Ну да, там что-то про то, что после Страшного Суда (или до?) все мертвые воскреснут, и плоть оденется, нет, кости оденутся плотью.

Или облекутся? У меня кости явно облеклись! Тело все же признак жизни. Значит, пришельцы или злобные спецслужбы? Чего им надо- то? Мужик этот, храпит вон!

Видно, тоже, – живой! Он говорил так спокойно. Если эксперименты и ставят, то это не больно. Все, нужно спать! Утро вечера мудренее! Хотя сейчас, наверно, утро и есть? Или вечер?

И я поплелся в свою (свою, блин!) комнату. Номер которой, теперь я знал, 32.

Проснулся я сразу. Огляделся. Все серое. Я все помню. Приключения ходячего мертвеца продолжаются! Где же эти сраные экспериментаторы, или дежурный ангел, или кто-нибудь?! Мне бы... и тут я понял, что мне, собственно, ничего не нужно.

Мне не нужно даже почистить зубы! Я всю жизнь чистил после сна зубы! Мне нужно было чистить зубы! Но не сейчас! Сейчас я чувствовал... нет, я НЕ чувствовал что нужно почистить зубы или помыться. Я не чувствовал голода, и

нужду справиться я не хотел. Нужды не было! Еще раз ощупал и осмотрел себя, где мог. Все без изменений.

Я готов был уколотся чем-нибудь, чтобы проверить, потечет ли кровь. Но нечем было. Изо всей силы ударил кулаком по стене. Увы! Боль была, и сильная, но даже кожи не расцарапал. Стена была какая-то пластмассовая, не мягкая, но и не твердая. Она как бы чуть поддалась, чуть спружинила, и в результате – ни царапины. Ничего не понял, и вышел в коридор. И зашел в соседнюю комнату. На кровати спала женщина.

Дама средних лет тяжело посапывала. Я не стал ее будить. Просто стал заглядывать во все комнаты. Комнат было 99, и почти половина были пустыми. То есть там ничего вообще не было. В остальных были кровати, и на многих спали люди. Но были и пустые кровати. Люди были разные: женщины, мужчины, молодые и пожилые. Не было стариков и детей. За этим исключением – зайди в любой автобус – как раз таких увидишь. Все одеты одинаково. На этом мои исследования закончились, потому что в коридор вышла молодая женщина. Я мог что-то у кого-то узнать!

Но не узнал. Женщина отвечала коротко, и как-то непонятно. Может, я ей не понравился, может, нет у нее настроения с утра (так утро сейчас или вечер?). Мужик вчера сказал больше и ясней. А к этой информации женщина добавила только одно: времени здесь тоже нет. Ни дня, ни ночи. Всегда одинаковый серый свет.

—А что такое служба?

—Идите в поле прямо, там увидите.

Вот и весь разговор.

Пришлось идти в поле. Поле как поле. Только трава какого-то серо-зеленого цвета. Скорее, даже, серого. Не густая и не высокая. Была бы трава зеленой, да свети солнце, было бы, наверно, красиво. Степь без конца.

Шел я долго (времени нет, но шагов-то проделал много). Дом был виден, хотя уменьшился в размерах. Значит, законы перспективы здесь работают, но кривизна поверхности либо отсутствует, либо отрицательная.

Наконец увидел что-то. Оказалось — палка, даже не палка а доска, и на ней полотнище, вроде флага. И рядом на земле молодой человек с черной жиденькой бородкой. И волосы длинные, черные, разделенные посреди головы пробормом. Сидит, вертит в руках сорванную травинку.

Задумался о чем-то.

Я кашлянул. Он покрутил головой, как бы отбрасывая дурные мысли, и слабо так улыбнулся:

—Поддержка пришла? Вы новенький? Я вас на службе раньше не видел.

—Я новенький и ничего не знаю.

—А тут и знать нечего. Нас всех похитили пришельцы. Некоторые тут свихнулись на Боге, так они нас считают покойниками. Вот Вы скажите: Вы себя чувствуете покойником?

—Вроде нет, но я еще хотел бы разобраться. Ударил по стенке, но не расцарапался даже!

— А укусить себя не пробовали? Тут многие пробовали! Кровь идет нормально. Сворачивается только быстро. И пот есть, и слюна. Но это еще не все. Вы знаете, что мы не едим и не испражняемся? А то, что во время сна потная и грязная одежда превращается в чистую, а порванная заменяется новой? А то, что мы здесь ни любить ни ненавидеть не можем? Еще узнаете! Но у меня есть аргумент! Если бы это было чистилище, то народу здесь было бы полно! А так нас всегда немного. Правда, какое-то время почти все комнаты были заняты. А теперь опять меньше половины. Люди появляются и исчезают. Точно говорю, это инопланетяне! Нас ведь, кстати, собрали говорящих на одном языке. Ни детей ни стариков! И эти черные дыры!

—Какие?

—А вот Вы сейчас посидите, и увидите.

И мы еще долго (сколько долго, если времени нет?) сидели молча. Я все порывался задать хоть один вопрос, но студент (я его так мысленно назвал) прикладывал палец к губам, предупреждая о молчании

Наконец я увидел, что воздух прямо передо мной как бы плотнеет. Это было как проявляющаяся фотография. Только проявлялась пустота. Я откуда-то знал, что это именно ПУСТОТА. И я захотел, чтобы ее не было. Сильно захотел. И ее не стало.

—Ну вот, Ваша служба началась, — сказал «студент», — поздравляю! Кто первым сломал кровать, прикрепил к доске простыню, и поставил здесь как знамя, я не знаю. Это было до меня. Но мы вот так, приходим сюда, к знамени, и боремся с черными дырами. Боремся и спим. Видно эти самые инопланетяне сильно страдают от черных дыр, вот они и нашли расу, которая запросто их рассасывает. А чтобы мы не страдали — лишили нас всяких страстей. Здесь ведь и не играет никто ни во что, и не гуляют, и не целуются даже.

Не плачут и не смеются. Только служба и сон. А послужишь, свое количество дыр закроешь, они наверняка потом домой возвращают. Жаль, проверить этого ничем нельзя! Я то предпочитаю приходить сюда в одиночку, может так быстрее моя служба кончится?

Да, самое главное! Это может быть опасно! Сам я не видел, это до меня было. Одна женщина вот так пошла служить, а потом еще люди подошли — а ни знамени, ни женщины. Только черная дыра. Дыру — то они все вместе рассосали, а женщину больше не видели. Хотя, может и неправда. Записей здесь вести нечем и не на чем. Один тут пробовал кровью на простыне. Заснул. А проснулся — чистая простыня! Зря, выходит, старался! И на земле следы недолго остаются. Так что списки никто не составляет. Да и незачем.

Все, я устал, пойду спать. А Вы, когда другие подойдут, можете сразу уходить, а можете тоже посидеть. Только на службе разговаривать не любят. Боятся: отвлечешься, а тут

дыра. И в одиночку потому служить почти не ходят. А вон уже идут!

Подошли две женщины. Не поздоровались, и имен не назвали. Сели рядом. А студент ушел. Я несколько раз пытался заговорить с женщинами, но они как-то нехорошо отвечали. Видно, на службе хотели молчать. Было еще несколько «дыр». Ну не дыр, а того, что появлялось. Мы вместе их растворили. Я говорю что вместе, потому что одна другой все время говорила: «Поднажми!», или «Сильнее, дави ее!». И «дыры» в общем, довольно легко рассасывались. Потом я почувствовал, что устал. Сказал им: «Ну, я пойду?» «Иди уже!» ответила старшая. И я пошел. Поспал. Проснулся – и вправду чистый, не голодный, и даже на свою судьбу, которая меня вот так предала пришельцам (или кому?) не очень злой. Главное вчерашнее ощущение – удовлетворенность перед сном. То есть я перед сном ощутил, что день (какой, к черту, день?) прожил не зря.

И поэтому я встал, и пошел в поле. Там уже сидела одна из тех женщин, что вчера со мной служили, и мужчина – толстячок с большими залысинами.

Женщина была хмурой и неразговорчивой, как вчера. А мужчина видно хотел поговорить.

– Вот вы новенький, вы скажите, похоже это на Землю?

Он как бы включал меня в разговор с женщиной.

– Я же говорю, что не похоже. И травы такой не бывает. Я, конечно, не специалист. Я раньше снабжением в легкой

промышленности занимался.

Но я точно говорю, не земная это трава. Да Вы сами такую видели?

Но моего ответа он не ждал, и увлеченно вел свой монолог о неземной жизни, приводя массу примеров из своей, и вправду разнообразной биографии. Он рассказывал о траве в Казахстане, и о хлопковых полях Узбекистана, даже о ягеле, который едят олени в тундре.

Мужичок, по его словам, «поднимал» ткацкие, прядильные и швейные фабрики на всей широкой территории бывшего СССР. Между делом спросил у меня, откуда я.

–Из Днепровска.

–А, бывал, конечно. Я в Полтаве поднимал чулочно-носочную фабрику, и у вас бывал не раз. Я тогда как раз только женился. А от вас коляску детскую привез. Синюю такую, красивую очень.

Тут и женщина отозвалась: «А у меня тоже Днепровская коляска была.». И опять замолчала. Тут стали появляться «дыры». Одна за другой. Но подошли еще люди. Я не очень всматривался, некогда было. Дыры все появлялись, и я сильно устал. Уходя спать, я оглянулся и увидел, что сидит и стоит на земле человек двадцать.

Когда после сна я вышел из комнаты, по корридору шла высокая красивая женщина. Она внимательно посмотрела на меня, и спросила: "А вы тоже не верите?"

– Не верю во что? – не понял я.

– Что мы здесь во искупление.

– Да за какие, простите, грехи? И что это за искупление – дыры заделывать?

– Это самое важное! Это борьба со злом. Ведь пустота, отсутствие добра, как раз самое зло и есть!

– Простите, а как же с телом? Мы ведь здесь не духи бесплотные! Вот у меня и слюна, и пот, и кровь! Тело, словом. Искупать, как я понимаю, не тело должно, а душа после смерти.

– А что вы знаете о своей душе? Из чего она состоит? Вы видите, что среди нас нет ни детей, ни стариков? Дети невинны, а старики искупили грехи старостью!

И она взглянув на меня, как на проигравшего спор, решительно пошла к своей комнате.

Неужели она права?

То, что происходило здесь со мной, со всеми нами, имело какой-то смысл, только я не понимал, какой.

Я спал, и шел служить. Один раз попробовал не пойти. Я ходил по корридору, заглядывал в комнаты... Сейчас почти все они были заняты.

Видел знакомые лица спящих и встретил в корридоре двоих, идущих служить. Было нудно, но я старался перебороть себя. "Вот не пойду! Не буду как все!", – уговаривал я себя.

Потом я понял, что если буду маяться так очень долго, то лягу спать с чувством невыполненной работы. И пошел в поле.

В другой раз я решил уйти отсюда. Есть же граница у этой степи?

Я пошел в противоположную от поста сторону. Когда уже очень устал, дом все еще был виден – крошечная точка, чуть темнее окружающей степи. Я лег на землю, прижался к ней щекой, и опять затосковал.

Я уже не хотел идти дальше, потому что понял – дальше – все та же степь. Конца ей нет. И я вернулся, чтобы опять спать и служить, служить и спать.

Многих людей, приходивших служить вместе со мной, я теперь узнавал. Здесь никогда не называли своих имен, и друг к другу по имени не обращались.

Я спросил у лысого снабженца (он был самым разговорчивым), : "Почему так?"

Он ответил: "А из суеверия! Та женщина, которая в поле исчезла, говорят накануне назвала свое имя. И все, засосала ее дыра. А в дыру никто не хочет. Вот так, когда я работал в Ташкенте, никто не хотел на хлопок ехать. Каких только болезней не придумывали! Там, на бело-зеленом хлопковом поле, может, и не так плохо было.

Солнце, правда, жарко! Но в поле хоть воздух свежий. А в институтских кабинетах жарко и воздух мертвый. Опять же, в поле старик узбек на ишаке воду привозил. В двух больших глиняных кувшинах. Какая вода была!" И он тяжело вздохнул.

А я после этого разговора о своей жизни задумался.

Как я жил? Жизнь была чередой мелких повседневных делишек. Хлопоты и ожидание. Вот через месяц – каникулы! Вот вечером свидание! Вот завтра интересный фильм по телевизору! Вот в отпуск пойдём с ребятами по Днепру под парусом!

И так всю жизнь, как на вокзале, ждал своего поезда.

Да, конечно, были и веселые каникулы, и нежные свидания, и парус в полнеба.

И радость, когда сын впервые сказал: "Папа".

Но как мало было этой радости!

А ведь все вокруг, каждый миг той жизни был счастьем!

Было над головой голубое небо. Была вода, которую можно пить, и был дождь, – вода с неба.

Были деревья зеленые и деревья в снегу. Был ветер и тихий закат. Был вкус земляники, пьяное вино и голоса друзей. И было много главных дел, которые можно было не откладывать. Счастьем было жить каждый день, каждую минуту.

Слышать смех и смеяться самому. И даже плакать было счастьем.

Только я всего этого не понимал.

А теперь, вдруг, – понял.

И я закричал: "Вы, все! Бог, или инопланетяне, или спецслужбы, вашу мать!"

Я хочу, чтобы та, настоящая жизнь вернулась!"

И я захотел этого так, как хотел на службе, чтобы растворилась пустота. Я просто научился желать по-настоящему.

И услышал голос: "Смотри-ка, какая странная осциллограмма! Да он очнулся! Ну вот, еще одного с того света вернули! А что с этим пьяным водилой?" "А ничего! Троиخ угробил, а у самого только ушибы." "Не троих!" "Да, точно не троих. Этот теперь будет жить"

Я слышал этот голос и про себя твердил: "Конечно, буду жить! Вы даже не подозреваете, как я буду жить! Счастье в каждой секунде! Целая вечность счастья!

Вот как я буду жить!"

И я живу. Я выздоровел, хотя грудь еще болит при вдохе. Ребра срослись и легкие зажили. Но...

Я не могу радоваться каждой минуте, как я этого хотел.

Я просто живу. Я пью воду, стою под дождем и люблюсь закатом. Я делаю полезное дело и воспитываю сына. Но я не радуюсь.

Да, теперь я умею хотеть по-настоящему. Только мне, кажется, нечего ТАК хотеть.

Перед моими глазами бесконечная серая степь, и то проявляющееся пятно пустоты, которое я так и не уничтожил в последний свой день в той степи.

А на душе тоска.

12 Картина Рубенса «Похищение дочерей Левкиппа»

О, это очень яркое, многоцветное до рези в лазах полотно, размером чуть более чем 2x2 метра. Изобилие фигур, красок

и людской плоти. Напряженные движения тел... Это то, что скажет Вам любой экскурсовод. А на деле...

Знаете, кого раньше называли "Золотой молодежью", а мы теперь кличем "мажорами"? Два отмороженных на всю голову мажора, братцы Диоскуры Кастор и Полидевк, оборзевшие от того, что их папаша (Зевс) Очень Большая Шишка, творят беспредел. Эти бездельники решили умыкнуть невест у таких же мажоров, своих двоюродных братьев. Но не забыли про внешнюю демонстрацию своей "крутости". Копыта коней, например, украшены жемчугом. Это, как если бы капот Проше украсили кристалликами Сваровски. Один из них натянул на себя кольчугу, поверх нее панцирь, а на сандалии прицепил шпоры со звездочками (ну точно автогонщик в рыцарском шлеме и на Лабутенах!). Он тянет тяжеленую даму прямо вверх, наклонившись в седле. Шестипудовая бабища подняла ручку вверх, как бы отмечая: "Вау, меня наконец-то похищают! Как это круто!" Лошадка этого "кавалериста" опирается только на две ноги. Если законы физики сию же минуту не изменить, всадник грохнетя вместе с конем и дамочкой, и сломает ей, коню и себе что-нибудь интересное. Конь это чувствует, не зря морда у него в пене. Второй мужик почти уложил свою девицу спиной себе на колено. Вероятно, собирается переломить ей позвоночник. Но при этом второй рукой уцепился за плечо второй бабищи. Кривенькая улыбка садиста на его лице говорит: "Сколько мяса! И все это мне?" Что это за му...жчина видно по

красным бантикам на сандалиях. Конь без всадника, на заднем плане, опасаясь, что зритель его не увидит, стал на дыбы. Два ангелочка, если присмотреться, более всего похожи на опытных немолодых проституток-лилипудок, обслуживающих педофилов.

Картина вызывает оторопь. Современному человеку непонятно, почему эти разжиревшие тетки так ненатурально выражают радость, что хоть кто-то на них польстился. Дело в том, что жутковатая История Европы в конце XVI века, подарком наступающему абсолютизму, произвела живописца-дипломата Рубенса. Рубенс писал картины для герцогов, королей и пап, которые, как известно, поголовно были извращенцами. Поэтому идиотские ненатуральные позы и дебилское выражение лиц персонажей картин им нравилось. На фоне таких придурков венценосцы ощущали себя сдержанными и высокоинтеллектуальными.

Рубенс стал известным художником, можно сказать классиком. И профессора из Академий живописи в следующие века дружно хвалили Рубенса, хотя и установили совершенно другие каноны для академического искусства, которое сами преподавали. Потом пришел двадцатый век. Каноны живописи вновь изменились. Ценители прекрасного трансформировались из извращенцев в геев. И уже открыто восхищались не стокилограммовыми лярвами, а тоненьким мальчиком на красном коне. Этот прообраз наступающего века создал Петров-Водкин, чей дом-музей – жемчужина музеев

Саратова.

13 Книга Иудифи. В помощь начинающим Библио-манам

Героическая романтика, или романтический героизм облегчают нашу тяжелую повседневную жизнь. Они необходимы и в наш прагматичный век.

Но, конечно, квинтэссенция героизма и романтики – женщина, совершающая мужской воинский подвиг. Не даром возникают такие истории (а чаще – мифы) и в наше время. Например, миф о снайперском отряде "белых колготках" белом чулке, или история о "черных вдовах".

Только что наши израильские журналоги не утерпели рас-трындеть на весь свет, что ювелирные авиаудары по главарям Исламского Джихада выполняли летчики-женщины.

Вот и история (или миф) об Иудифи – популярнейший сюжет.

Про картины промолчу. А насчет стихов...

Без труда нашел «Иудифь» в стихотворениях Л. Мея, С. Иванова-Райкова, К. Бальмонта, Н. Гумилева, О. Мандельштама и В. Нарбута. Это, так сказать, из классики. Только на сайте Стихи.ру про нее писали сотни две авторов. А это, пусть и крупнейший, но только один из русскоязычных...

При этом некоторые (к счастью, меньшинство) писали, да-же не прочитав соответствующей книги в Ветхом Завете.

И решил я поделиться некоторыми историческими зна-ниями и размышлениями на такую "актуальную" тему.

Что нам скажет реальная история?

С 9 века до н.э. на Ближнем Востоке соприкоснулись и схлестнулись три мощных государства: Египет, Вавилон и Ассирия.

Точка их соприкосновения – Заречье.

Территория Заречья (земли лежащие за рекой Евфрат по направлению к Средиземному морю) – это Сирия, Финикия, Израиль и Иудейское царство, а также Филистимские города/царства. Государства эти дрались меж собой и торговали. И евреи занимали небольшую часть этих обширных земель.

Давайте запомним всего четыре даты:

– 701 г до н.э. Ассирийцы разорили Иудею, и еще 70 лет грабили Израиль.

– 614 г до н.э. Вавилон и мидяне разграбили Ассирию.

– 605 г до н.э. Битва при Киркемише. Вавилон победил Египет и его союзников.

– 586 г до н.э. Вавилон захватил Израиль и Иудею, разрушил Иерусалим и Храм.

Поскольку оригинала "Книги Иудифи" не сохранилось, приходится полагаться на Септуагинту, и последующие переводы.

История эта темная. Во первых, в ней названа вполне историческая личность: царь Навуходоносор (вероятно, Навуходоносор №2, 634—562 г до н. э. – остальные никак не подходят). Правда, назван он царем Ассирийским из Ниневии, а не Вавилонским. Но тут ошибочку понять можно. Ведь в

614 году Вавилон захватил и разграбил Ассирию.

Кроме того указано, что история началась в 12-м году его царствования (когда данники отказались поддержать войну с Мидией. И невольно почешешь в затылке: Мидяне – союзники Навуходоносора. 12-й год царствования Навуходоносора – 593-й г до н. э. Через 7 лет Вавилонские войска взяли Иерусалим (в июле 586 года), и до конца года множество жителей Иудеи было угнано в рабство "на реки вавилонские".

Но согласно "Книге Иудифи" царь Навуходоносор только в 18-м году своего царствования "вспомнил" об отказе неверных союзников в поддержке, и велел их наказать. Склероз, однако, у царя. Ведь уже наказал в прошлом году!

Но с реальной историей в "Книге Иудифи" все еще хуже.

Оказывается, пока царский полководец собирал войска, да захватывал земли по дороге до Иудеи (а также справа и слева от этой дороги) прошло несколько лет, так что часть пленников успела вернуться и очень испугаться грозного генерала ассирийцев

"потому что недавно возвратились они из плена, недавно весь народ Иудейский собрался, и освящены от осквернения сосуды, жертвенник и дом Господень."

О как! А наивные историки, исходя из той же Библии полагают, что возвращаться пленники начали уже при Кире. Тут следует добавить, что за сотню лет до Навуходаносора из Иудеи уже угоняли народ. И как раз в Ассирию. Только выселял их другой царь:

«В четырнадцатый год царя Езекии, пошёл Сеннахирим, царь Ассирийский, против всех укрепленных городов Иуды и взял их.»

А в течении предыдущих 70 лет ассирийцы почти начисто ободрали Израиль (северное из двух еврейских царств)

То есть автор "Книги Иудифи" ничего не понимал в реальных событиях.

Вся история – путаница дат, событий, стран и исторических личностей.

Личности ассирийского (вавилонского) военачальника и мидийского царя – врага Навуходоносора – тоже взяты с потолка. Хотя, скажем, Олоферн – как бы отметился в истории: лет через 300 был такой царь в Каппадокии. Имя же это характерно персидское, и "ферн" означает "славный"

Большинство не религиозных исследователей полагают, что миф об Иудифи сочинили в период патриотической борьбы Маккавеев. Лет через 300 после описываемых событий. Все может быть.

Но у меня другое мнение: "Книгу Иудифи" сочинили примерно в 600-599 году до н. э. Вот только придумали её не евреи. А уже старичкам-составителям Септуагинты попала эта книга через 400 с лишком лет, пройдя через руки переписчиков. И последующие наслоения ошибок вызваны желанием переписчиков добавить "достоверных деталей" при слабом знании истории.

Итак, примерно с 10 века до н.э. все земли Заречья были под протекторатом Египта. Но и Ассирийцы, и Вавилон находили их лакомым кусочком.

Нефть тогда не играла такой решающей роли в экономике, как ныне, но этот сектор земли имел немалое значение. Это была Дорога. От Египта, протянувшего щупальца на всю Африку (хлопок, пшеница, папирус, благовония, ценные породы дерева, золото) до Ассирийских (ассиро-вавилонских, ассиро-мидийских) владений (медь и олово, т.е. бронза, шелк, кожа, кони, железо). Северяне очень хотели эту дорогу иметь в своем кармане. Не зря, ещё будучи царевичем, Навуходоносор руководил вторжением в Заречье (607-605 г до н.э.) и продолжил его, едва заняв престол (605-602 г до н.э.).

И не зря египтяне постоянно прикармливали еврейскую и сирийскую знать, добиваясь "патриотического" сопротивления северным захватчикам. Царь Соломон, напомним, в свое время даже взял в жены египетскую принцессу (если Библия не врет). А перед смертью Соломона соперник его сына Иеровоам эмигрировал в Египет, откуда был призван на царство в отделившуюся часть (10 колен, Израиль). Так что связи Египта и стран Заречья были прочные.

В мае 603 года до н. э. Навуходоносор подошел к Иудее, но иудейский царь Иоаким покорился и обещал платить дань, не дожидаясь осады Иерусалима. В 602 году до н. э. Навуходоносор завершил покорение Заречья.

Итак, покоренные и заключившие вассальные договоры

евреи платят дань Вавилону. Но физически не захвачены!

А Египет не дремлет. В Сирии, Иудее, Израиле и Финикии постоянно крутятся эмиссары фараона. До серьезной схватки между Сверхдержавами остаются считанные месяцы. Если по войсковым силам примерный паритет, то у Вавилона плечо доставки подлиннее. И логистика (снабжение) во многом привязана к Дороге.

Но вот наступил декабрь 601 г до н.э. Навуходоносор вновь у границ Египта.

Египта, который, напомним, проиграл сражение под Керкимишем в 605 г. до н.э.

Но ведь с той поры прошло 4 года! И та и другая стороны поднапряглись, восполнили потери, и вновь восстановили паритет. Но! Войска ассирийцев прошли долгий путь (по тем временам – несколько месяцев марша), и подустали. Линии снабжения растянуты. На них – не слишком доброжелательно настроенное население. Результат очевиден. Кто не понимает, может вспомнить походы Голицына на Крым, а также Наполеона и Гитлера под Москвой.

В нескольких тяжелых битвах египтянам удалось измотать врага. Вавилонянам пришлось отступить и вернуться домой. Не навсегда. Но потери войск Вавилона (особенно в коннице и в колесницах) были настолько велики, что потребовалось почти два года, прежде чем Навуходоносор сумел восстановить боеспособность своей армии. Хотя и Египту победа досталась большой ценой. Так что после этого сра-

жения фараон Нехо был вынужден подсократить расходы. И борьбу за азиатские провинции пришлось египтянам возложить на хлипкие плечи самих жителей Заречья.

И те его не подвели. В Заречье неудачи Навуходоносора вызвали подъём патриотического движения. Гордая Иудея заслушивалась не менее гордой Песней Иудифи. В результате Иудея прекратила платить Вавилону дань. Наконец в 597 году до н. э. Навуходоносор достиг Иерусалима. На этом история еврейских царств вступает в черную полосу.

Песнь победы Иудифи не могла возникнуть тогда, когда интервенты уже грабили Иудею.

Она была сочинена на подъеме патриотического движения, то есть от 600 до 598 года до н.э.

Напомню, в декабре 601 года до н. э. Навуходоносор подступил к границам Египта. Для того, чтобы это произошло, войска Вавилона должны были сконцентрироваться в непосредственной близости от Иудеи. Уж какие там "песни победы"!

Но, после боёв в Египте, войска захватчиков отступают. Очень может быть, что несколько отставших вавилонских отрядов удалось добить вдруг похрабrevшим воинам царя Иоакима. Тот, вроде был редиска, трусливый перед сильным, но отважный со слабым. Ну, а созданные северянами склады и базы погромить – вообще святое дело! Вот тут-то и воспела свою песнь простая советская, то есть, простите, еврейская женщина. Не сочинила и воспела. Напела с чужих слов.

Почему я в этом уверен? Да есть в ее песенке некая посторонняя вставка. Кто читал Библию, почти наверняка обратил внимание:

«Не от юношей пал сильный их, не сыны титанов поразили его, и не рослые исполины налегли на него, но Иудифь, дочь Мерарии...»

И если исполины в Ветхом Завете упомянуты (Книга Бытие, глава 6), то откуда провинциалке из Ветилуи знать о титанах? Может, детей титанов не было в изначальном тексте?

Септуагинту составляли культурные иудеи. Культурный иудей при переводе на греческий так написать не мог. Ну не употребляют при переводе своей еврейского Закона чужих богов. А Титаны до христианства были богами. Зато агентом Египта в Иудее вполне мог быть грек, невольно употребивший вместо "герои" – "сыны титанов". Почему еще грек? Так чужак. Разницу между ассирийцем и вавилонянином хорошо знали местные евреи. И те, и другие основательно потоптали Иудейскую землю. Да и египтянин или финикиец хорошо отличал Вавилон от Ниневии. А приезжему греку все равно.

Я почти на 100% уверен, что дела с мифом об Иудифи обстояли именно так: в 600-598 году до н.э. некий Гомер-сказитель, побывавший в Иудее на денежки фараона Нехо, сочинил и распространил героическо-романтическую легенду. Ну, то-есть практически документальную (правдивую) повесть. О скромной, но прекрасной душой и телом женщине

из народа, с Божьей помощью, спасшей этот народ. Так появилась "Книга Иудифи"